

Жорж Сименон
**Маленький
доктор**

2024

Жорж Сименон

**МАЛЕНЬКИЙ
ДОКТОР**

Паровая типолитографія А. А. Лапудева
Москва
Георгіевскій переулочъ, домъ 19
2024

Жорж Сименон. Маленький доктор. — Москва, Паровая типолиитография А. А. Лапудева, 2024 — 97 с., илл.

Три расследования доктора Жана Доллана, более известного как «Маленький доктор».

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т. п. Все материалы получены из открытых источников.

© А. А. Лапудев, состав, 2024.

РАССЛЕДОВАНИЕ № 4

ПРИВИДЕНИЕ НА ВИЛЛЕ МОСЪЕ МАРБА

**ГЛАВА ПЕРВАЯ,
В КОТОРОЙ ИДЁТ РЕЧЬ О СТАРОМ ЧУДАКЕ,
УТВЕРЖДАЮЩЕМ,
ЧТО ОН НЕ ВЕРИТ В ПРИВИДЕНИЯ,
И В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР
БЛИЗОК К ТОМУ, ЧТОБЫ ВОЗОМНИТЬ
СЕБЯ СЫЩИКОМ-ПРОФЕССИОНАЛОМ**

Это случалось редко, но всё-таки случалось — ни одного вызова за ночь. Ни одного экстренного больного! И вот в восемь часов утра Маленький доктор преспокойно сидел в постели; на коленях он держал поднос с завтраком, а рядом лежали только что доставленные почтальоном письма.

Он блаженствовал!

Однако не успел он допить чашку кофе с молоком, как затрещонил дверной колокольчик — сколько раз доктор говорил себе, что надо непременно заменить его звонком потише, но всё забывал, — в коридоре послышались приглушённые голоса и, наконец, неприятнейший звук — открылась и закрылась дверь в приёмную.

Так и есть: больной! И, видно, что-то срочное, раз Анна не уговорила его подождать утреннего приёма, в девять.

Маленький доктор поспешил распечатать последний, лежавший на одеяле конверт и углубился в чтение. Почти тут же появилась Анна.

— Что там такое?

— Папаша Каню...

— Опять налился и упал с велосипеда?

— У него весь нос раздуло...

— Пусть смажет йодом... Надоел он мне — заладил каждую неделю падать с велосипеда и беспокоить меня из-за каких-то царапин... Скажите-ка, Анна...

— Чего вам?

— Как вы думаете, что у меня в руке?

— Почём я знаю! Какая-то бумажка...

— Ну-ка, посмотрите...

Иредьявителю выплатить...» — с трудом разбирала по
г Анна.

· Вы что, ещё не поняли? Это же чек!.. А теперь прочтите, на какую сумму: пять тысяч... пять тысяч франков, разумеется. А если вы желаете знать, что думают люди о некоторых моих талантах, которые вы ни в грош не ставите, прочтите это письмо, пока я принимаю душ...

— А папаша Каню?

— Пусть посидит. Ничего с ним не случится... А когда прочтёте, надо будет уложить чемодан: две смены белья, костюм...

— И позвонить доктору Магне, чтобы он принимал ваших больных... Если так и дальше пойдёт, лучше уж ему совсем перебраться сюда...

— Читайте, Анна! — потребовал он сквозь приотворённую дверь ванной.

И, стоя под душем, принялся напевать.

Милостивый государь!

Прошу извинить, что я, человек Вам вовсе не знакомый, обращаюсь к Вам и беспокою по делу, которое не имеет никакого касательства к Вашей профессии. Но, прочитав это письмо до конца, Вы поймёте, почему я осмелился так поступить.

Вот уже несколько лет, как я поселился в Гольф Жуане, между Каннами и Жуан-ле-Пэнном. На прошлой неделе я имел удовольствие встретить человека, которого знал в колониях, где он служил по судебному ведомству; сейчас он прокурор в Невере, фамилия его Верделье.

Поскольку мы всегда были в наилучших отношениях, я рассказал ему о своих неприятностях и пожаловался на местную полицию, которая не оказала мне никакой помощи; и тут-то он назвал Вас.

По его словам, он недавно наблюдал Вас за работой в Невере, где Ваше содействие в проводимом следствии дало поразительные результаты.

Мой друг прокурор, правда, добавил, что Вы не профессиональный сыщик, а врач, имеющий собственную практику в

Марсийи возле Ла-Рошели, и лишь удовольствия ради иногда интересуетесь каким-нибудь незаурядным делом.

Но я убеждён, что моё дело Вас заинтересует, и поэтому осмеливаюсь просить Вас приехать сюда как можно скорее.

Не подумайте, что я душевнобольной. Не скрою, местные жители считают меня чудаком, но если у меня и есть странности, то они, по-моему, объясняются тем, что я провёл большую часть жизни в самых отдалённых уголках земного шара и это не могло не повлиять на мой характер.

Вот уже несколько недель, как в построенной мною вилле происходят невероятные вещи.

Полиция побывала у меня, но ничего не смогла раскрыть. Мне кажется, она склоняется к тому, чтобы попросту считать меня психически ненормальным.

Но это не так. Мой друг, прокурор Верделье, человек, спокойный и уравновешенный, в случае необходимости может подтвердить Вам это.

Дважды в неделю в моей вилле появляется какой-то неизвестный, переворачивает всё вверх дном, и, однако, мне ни разу не удалось увидеть его.

Как это объяснить — не знаю.

В привидения я не верю.

И всё же...

На месте вы лучше поймёте мои страхи, и потому я позволил себе приложить к письму небольшой чек на покрытие Ваших первых расходов.

Я на Вас рассчитываю. Мне говорили, что Вы любитель таких загадок. Поверьте, эта — одна из самых таинственных.

Телеграфируйте час прибытия. Я встречу на вокзале. В Гольф Жуане экспрессы не останавливаются, но я приеду за Вами на машине в Канны.

Заранее приношу Вам свою глубокую благодарность и прошу принять уверения в совершенном почтении.

Эварист Марб, бывший чиновник в колониях.

— Ну что, Анна?

— Ничего, мосье...

— Когда я уезжал в Невер, вы корили меня за то, что я даром трачу время... На сей раз, кажется, мои таланты начинают приносить доход?

— Мало ли на свете сумасшедших! — презрительно отрезала Анна. — Так что же мне всё-таки сказать папаше Каню?

— Пусть мажет нос йодом и подбавляет в вино побольше воды...

...Он чуть не изменил своей старенькой Жестине — малолитражке в пять лошадиных сил, но, узнав, что из Ла-Рошели на Лазурный Берег нет прямого поезда, всё же двинулся в путь на своей стрекотушке.

На следующий день, в субботу, проспав часа четыре в Марселе, он около десяти был в Каннах и берегом моря, тихого и голубого, как таз с подсинькой, добрался наконец до крохотного порта Гольф Жуан.

Стоял ноябрь. Курортная публика разъехалась. Но солнце ещё припекало.

— Скажите, пожалуйста, где тут вилла мосье Марба?

— Сразу за рестораном «Камбала», в саду...

Но прежде чем Маленький доктор доехал до ограды виллы, из ресторана выскочила довольно странная личность. Очень маленький, очень худенький старичок, казавшийся ещё более тщедушным от того, что на нём болталась слишком просторная пижама. Под расстёгнутой курткой виднелась густо заросшая седой шерстью загорелая грудь.

Он был в домашних туфлях на босу ногу, а голову его украшал сильно помятый и донельзя засаленный колониальный шлем.

— Эй... эй! — крикнул он вслед автомобилисту и припустился за ним вдогонку.

— Простите, если я ошибся... Вы, случайно, не доктор Жан Доллан? Мой друг прокурор говорил мне, что у вас пре-забавная малолитражка... Я как раз завтракал, когда...

— Мосье Марб? — спросил Маленький доктор, не любивший подобных намёков в адрес Жестины.

— Я самый... Очень рад, что вы приехали. Но вы не телеграфировали и вот застаёте меня в утреннем туалете...

Мосье Марб страшно нервничал. Разговаривая, он беспрестанно дёргался, гримасничал, щурил глаза, вытягивал губы, шевелил пальцами...

— Я, как встану, сразу иду перекусить чего-нибудь в «Камбалу», запросто, знаете, по-соседски... С хозяином Титэном мы приятели. Может, пропустим рюмочку чёрносмородинной под анчоусы? А потом пройдем ко мне, и я вам всё расскажу...

Всё это, по правде сказать, не слишком обнадёжило Маленького доктора. Спору нет, он обнаружил в себе особый нюх на преступления. Дважды, когда полиция оказалась бессильна что-либо понять, он нашёл разгадку. А в Невере, кроме одного просчёта, собственными силами восстановил всю картину сложнейшего преступления.

Но сейчас ему платят деньги. И поскольку чек на пять тысяч пришёлся весьма кстати, у него не было ни малейшей охоты его возвращать.

Однако как быть, если Анна права и мосье Марб сумасшедший или, мягко выражаясь, большой оригинал?

— Титэн! Разреши тебе представить: мой старый приятель... — Знак глазами Доллану. — Знаем друг друга сто лет... Вот, приехал погостить ко мне на несколько дней. Поболтать... Как положено добрым друзьям...

Новый взгляд, говоривший: «Видите! Я храню ваше инкогнито! Вовсе не к чему, чтоб вся округа знала, зачем вы сюда пожаловали...».

— Анчоусы, Титэн! И оливок! Да бутылочку чёрносмородинной похолодней...

Прямо рок какой-то! Стоило Маленькому доктору приступить к расследованию, как непременно по той или иной причине приходилось выпивать. А на сей раз вино оказалось особенно коварным: пьётся как лимонад, зато через несколько минут ударяет в голову.

— Пойдёмте... Сестра наверняка ещё не встала, но это ничего не значит. Вот и поболтаем до завтрака. Не обращайтесь

внимания на мой костюм. Я столько натерпелся от жары в колониях, что чувствую себя хорошо только в пижаме...

Дом точь-в-точь походил на своего владельца! Спустя час доктор уже изучил его вдоль и поперёк. Это была вилла, каких множество на Лазурном Берегу, — мешанина самых разных стилей; тут можно найти и некое подобие минарета, и внутренний дворик с фонтаном, как в Северной Африке.

А удобств — никаких!

Правда, ванная комната имелась, но ванна была забита шляпными картонками и всяким старьём, а колонка, видно, уже давным-давно не действовала.

В столовой — сырость. Обои отстали. Мебель до того разнокалиберная, что казалось, находишься в аукционном зале, а не в жилых комнатах.

— Когда-нибудь, — уверял Марб, — я всё это приведу в порядок... здесь ведь у меня настоящий музей! Тут собраны вещи, вывезенные со всех концов света. Службу я начал на Мадагаскаре... В холле на втором этаже вы, вероятно, обратили внимание на туземное оружие. Потом Индокитай... Видели мои малайские кинжалы с узором? Там есть редчайшие экземпляры. Ну конечно, кое-что из Северной Америки, как у всех... Затем Гебриды и Таити...

При виде этого хлама, до того загромоздившего комнаты, что трудно было пройти, становилось понятно, почему мосье Марб предпочитает столоваться в соседнем бистро...

— Всё это мне очень дорого как память. После моей смерти коллекция перейдёт по завещанию колониальному музею.

На чердаке среди всевозможных туземных сувениров Маленький доктор заметил детские игрушки.

— Вы были женаты? — спросил он, закуривая, чтобы отогнать запах всей этой рухляди...

— Тес... На Таити... На дочери вождя округа... Она умерла, но я привёз сына. Сейчас он учитель плавания в Ницце. Я ещё не рассказал, почему вас вызвал... Пройдёмте сюда, чтоб нас не услышали, — я не доверяю даже Элоизе...

— Элоизе?

— Моей сестре... Она живёт со мной. Она вдова, бездетная... Когда я путешествовал, Элоиза жила с мужем, — он был начальником станции в Сансере. Сейчас сестра перебралась сюда. Она слабого здоровья... Пройдёмте ко мне в кабинет.

Кабинет был заставлен всякой всячиной, даже больше, чем остальные комнаты.

— Представьте, что четыре года назад...

Быть может, потому, что доктору платили впервые, он решил взять нахальством и разыграть из себя настоящего сыщика.

С апломбом, который придала ему выпитая чёрно-смородинная, он перебил:

— Если позволите, сначала я задам вам несколько вопросов...

Записной книжки у него никогда не водилось, если не считать блокнота для рецептов. Его-то Маленький доктор и извлёк из кармана с уверенным видом поседевшего на службе полицейского комиссара.

— Когда вы вышли в отставку?

— Шесть лет назад... Я вам объясню...

— Позвольте! После вы мне дадите какие угодно объяснения. Итак, вы вышли в отставку шесть лет назад (он записал в блокноте: «шесть лет») и сразу обосновались здесь?..

— Простите! Я этого не говорил. Когда я вернулся с Таити шесть лет назад, я ещё не знал, где поселюсь. Сначала я поехал к сестре, — у неё был свой домик в Сансере...

— И сколько вы там прожили?

— Два года. Я не знал, какой климат мне лучше подойдёт. Я успел отвыкнуть от Европы...

В блокноте появилась запись: «Сансер: два года».

— Затем?

— Я купил этот участок довольно-таки дёшево...

— Сколько?

— Двадцать две тысячи франков... Земля стоила тогда дешевле, чем теперь. Мне просто повезло...

— И вы построили?

— Скромную виллу для сестры и себя.

— У вашей сестры было какое-то состояние?

— Она получает пенсию за мужа — тысячу восемьсот франков в месяц.

— А вы?

— Три тысячи пять. Я был чиновником первого класса.

Перехожу к фактам...

— Давайте!

— Вот уже три месяца...

— А до этих последних трёх месяцев?

— Ничего... Мы преспокойно тут жили с сестрой. Каждое утро к нам приходит убирать женщина... Обеды и ужины мы берём на дом от Титэна — ведь мы же хорошие соседи... Я тут завёл знакомства, играю в белот... Гуляю...

— А ваша сестра?

— Спит... Шьёт... Вышивает... Сидит в саду...

— Так! Ну, и что же эти три месяца?

— Дважды в неделю, по ночам, я слышу, как в доме кто-то ходит.

— И вы ни разу никого не видели?

— Я пытался. Вставал. Выскакивал с электрическим фонариком, но всё впустую. Если б я один слышал шаги...

— Ваша сестра... Напомните мне её имя!

— Элоиза... Несколько старомодное, но...

— Она тоже слышала?

— Как и я. Особенно на чердаке... К тому же утром видишь, что вещи в беспорядке, разбросаны где попало...

— Кроме вас с сестрой, никто не живёт на вилле?

— Никто!

— И двери каждый вечер запираются?

— Не только двери, но и жалюзи. Об этом-то как раз я и говорил своему другу прокурору. Знаете, доктор Доллан... Я человек не суеверный, но меня начинает одолевать страх. Где только я не жил!.. Я знаком с верованиями туземцев всех пяти частей света... Мне приходилось заниматься делами по обвинению в колдовстве, в частности в Габоне... Так что вы сами понимаете, меня не легко напугать... Стаканчик чего-нибудь? Нет? Да вы не стесняйтесь!.. Так вот... Меня не легко напугать. Я всегда смеялся над англичанами с их привидениями. И всё

же есть одно обстоятельство, с которым вас надо познакомить, раз мы хотим раскрыть истину...

«Торопишься, брат!» — подумал Маленький доктор.

— Когда я управлял округом на Таити, я построил дом на земле, почитаемой туземцами священной. Там даже сохранился камень, на котором прежде приносились человеческие жертвы. Я смеялся над их верованиями, как смеялся над верованиями африканских негров или негров с Соломоновых островов... «Вот увидишь, — говорили они мне (там они всех тыкают), — ту-папау отомстят...» Так они, доктор, называют своих демонов.

— Ну и что ж, ту-папау доставили вам неприятности? — бесстрастно спросил доктор.

— Там нет... Но вот уже три месяца... Не смейтесь надо мной... Я ничего не утверждаю. Ещё раз говорю: я вовсе не суеверен. Я скорее готов признать, что явления эти, из-за которых я вынужден был пригласить вас, вызваны естественными причинами... И всё же, когда я ночью слышу эти шаги и шум, то не могу не вспомнить угрозы туземцев. Ну кому может понадобиться разгуливать в три часа ночи в такой вот вилле? Ни разу ничего не исчезало! Значит, это не вор! И это не убийца, — ведь ему ничего не стоило нас убить, сестру или меня. Что можно искать столько недель в доме какого-то несчастного пенсионера?..

— Простите! — перебил его Доллан. — Вы упоминали о местной полиции. Она была у вас?

— С неделю несколько агентов сторожили дом...

— Ну и что?

— Ничего! Ночной гость не явился. И в итоге они меня же сочли сумасшедшим. Но я вижу, сестра встала и ждёт нас. Она знает, зачем вы здесь... Только прошу вас, не волнуйте её понапрасну. Она убеждена, что это действительно ту-папау являются сюда меня мучить и...

Женщина лет за пятьдесят, тучная, флегматичная, даже более чем флегматичная — отупевшая от жаркого южного солнца.

— Простите, я плохая хозяйка, доктор, но здесь всегда такая жара! Вы не откажетесь от аперитива?.. Ну конечно, я подала его на террасу — там тень от смоковницы.

Он понял, почему она была такая осовелая. Подливая им аперитив, она не обносила и себя.

— Да что вы! Это ещё никогда никому не повредило... Когда сидишь без дела...

Размышляя, Маленький доктор весь сжался в комок, весь напрягся, а тут ещё надо было бороться с расслабляющим действием южного солнца.

— А ваш сын, мосье Марб... Вы его часто видите?

— Он приезжает время от времени, когда ему нужны деньги. Только не составьте себе превратного представления о нём. Таитяне такие же люди, как и мы. У его матери кожа была не темнее, чем у моей сестры. Его и не отличишь от здешних жителей, разве что он намного красивее.

— А когда вы жили в Сансере у сестры, ваш сын...

— Он учился в лицее в Каннах.

— Ещё один вопрос. Что ж, привидение это, если его можно так назвать, выбирает для своих визитов какие-то определённые, излюбленные дни?..

— Как вам сказать... Вначале я этого не замечал. Вы знаете, когда выйдешь в отставку, живёшь, не думая о числах и днях недели. Но потом я всё-таки обратил на это внимание, — оно является по средам и субботам...

— Всегда?

— Кажется... А ты заметила это, Элоиза?

— И мне так кажется... Неужели привидения знают числа!..

— Какой сегодня день?

— Суббота.

— Значит, у нас есть шанс, что оно появится сегодня! Надеюсь, мосье Марб, вы никому не говорили о моём приезде?

— Никому!

— Даже сыну?

— Уж недели две, как я его не видел. Вы слышали, что я сказал Титэну. Я представил вас как своего старого друга. Вы меня простите, но поневоле напрашивается мысль, что, если

привидение, как вы выразились, не явилось, когда тут была полиция, значит, его кто-то предупредил. Полиция здесь, на Юге, особенно болтлива...

Но тут мосье Марб перебил сам себя:

— Как вы смотрите на то, чтобы подкрепиться хорошим буйабесом у Титэна?

— Не откажусь...

— Вы вооружены?

— Это чтоб идти к Титэну? — простодушно заметил Маленький доктор.

— Нет! На сегодняшнюю ночь... Надо полагать, мы будем дежурить, чтобы поймать моё... наше... Словом, неизвестного, который...

— Вы ручаетесь, что у вас ни разу ничего не украли?

— Ручаюсь!

— Вы бы это заметили, несмотря на беспорядок в доме?

— Я заметил бы, если б у меня пропала хоть одна негрятанская стрела. Вы говорите — беспорядок, но это только так кажется, на самом деле я знаю, где лежит каждая мелочь...

— Вы никогда не получали писем с угрозами?

— Никогда...

На какую-то долю секунды он заколебался. Но, может быть, это только так показалось доктору.

— Итак, подытоживаем то, что вы сказали: у вас всё было вполне благополучно — и у вашей сестры, и у вас. Четыре года вы спокойно жили на вашей вилле. Врагов у вас нет. Вы играли в белот. Ваш сын, уроженец Таити, давал уроки плавания в Ницце...

— Только этот год! — вмешался мосье Марб.

— Хорошо. И вот последние три месяца какой-то субъект или духи дважды в неделю по ночам переворачивают у вас в доме всё вверх дном...

— Совершенно верно...

— Субъект — предположим, что это субъект, — ничего не унёс. И ни разу ему не пришлось в голову покуситься на вашу жизнь или на жизнь вашей сестры... Вы подозреваете, каким путём он проникает в дом?

— Через дверь.

— Простите?

— Я сказал, через дверь. А как же иначе? Либо у него есть ключ, либо он способен проходить сквозь стены. Во всяком случае, вот уже три месяца мы спим с закрытыми жалюзи.

— А что, если нам и вправду подкрепиться буйабесом?
— вздохнул Маленький доктор.

Эх, зачем он ввязался в эту историю! И всё только чтобы утереть нос Анне! А что, если мосье Марб в самом деле сумасшедший? Что, если...

И вдруг блеснула мысль: может, неверский прокурор, обозлённый его вмешательством, нарочно назвал его имя мосье Марбу, чтобы превратить Маленького доктора во всеобщее посмешище?..

Однако были кое-какие данные, скудные, но зато довольно характерные, которые Жан Доллан мысленно отбирал, пока на террасе ресторана «Камбала» им подавали буйабес.

Мосье Марб уже шесть лет как в отставке.

Два года он провёл у сестры.

Он купил участок и построил виллу.

— Скажите, — вдруг обратился Доллан к подававшему им буйабес Титэну, сколько может стоить такая вот вилла?

И Титэн не колеблясь ответил:

— Четыреста пятьдесят тысяч. Верно, мосье Марб?.. Если бы он меня послушался, то сэкономил бы тысяч тридцать. Но что сделано, то сделано... Подбавить бульону, господин доктор? Кусочек окунька? Картошечку? Обязательно! Как раз картофель впитывает шафран, и это-то и придаёт вкус... А что бы вы скушали на второе, мосье Марб? Три порции свежайшей камбалы с укрупчиком?..

Маленький доктор, помня о чеке на пять тысяч франков, по пути завезённом в банк, чувствовал себя не блестяще. А потом, это солнце, и это вино, беспрестанно подливаемое в стакан, и этот вкуснейший буйабес, от которого ужасно хотелось пить!

**ГЛАВА ВТОРАЯ,
В КОТОРОЙ ИДЁТ РЕЧЬ
О СТРЕЛЬБЕ ПО БУТЫЛКАМ В ПОДВАЛЕ
И О ТОМ, КАК УРОЖЕНЕЦ ТАИТИ,
МАРБ-МЛАДШИИ,
ВЫКАЗЫВАЕТ НЕОЖИДАННУЮ ЛЮБОВЬ
К ДЕТЯМ**

— Как вы смотрите, доктор, на то, чтобы прилечь на часок? На Юге это почти закон, а тем более после буйабеса Титэна и старого арманьяка, который он сейчас нам подаст. Ведь вы, наверно, почти всю прошлую ночь провели в дороге? А нынешнюю (он подмигнул), весьма вероятно (он опять подмигнул), вам тоже не удастся выспаться... Ты бы пошла приготовила нашему гостю комнату, Элоиза...

— А я уже приготовила, — ответила та, вовсе не желая упустить арманьяк.

Маленького доктора сильно клонило ко сну, но всё же от него не ускользнуло, что мосье Марб недоволен. Возможно, он хотел услатить сестру и что-то сообщить ему о ней.

Десять минут спустя Жан Доллан уже расположился в комнате, вся уборка которой, видимо, ограничилась тем, что гора хлама, загромождавшая кровать, перекочевала в угол. В окна било полуденное солнце, и жалюзи были закрыты, но сквозь щели между планками доктор увидел своего хозяина — тот, должно быть, тоже решил вздремнуть и устраивался в тени большой смоковницы в саду.

Теперь мосье Марб был в белом чесучовом костюме, застёгнутом на все пуговицы; он, как видно, надел свой старый мундир колониального чиновника.

Мосье Марб расстегнул ворот, приладил к шлему носовой платок и растянулся в шезлонге.

Едва Доллан снял пиджак и полуботинки, как в дверь постучали, и в комнату, приложив палец к губам, вошла Элоиза.

— Тсс!.. Он уснул... Я хотела поговорить с вами, пока его нет. Что вы обо всём этом думаете, доктор?

— Что вы имеете в виду?

Она покрутила пальцем у лба, что во всех странах мира означает одно и то же: у человека, мол, не все дома.

— Вы, как врач, не считаете?..

— Почему вы так решили?

— Знаете, как большинство колониальных чиновников, мой брат был всегда чудаковат... Когда он насовсем вернулся во Францию, я, хоть и вдова, поначалу даже сомневалась, вести ли с ним общее хозяйство... Первые два года он ещё был ничего, сидел себе в нашем домике в Сансере и разбирал и переписывал всё это барахло, которое навёз с разных концов света... Ну скажите сами: какой разумный человек станет забивать дом такой пакостью ведь кто его знает, может, к вещам прикасались прокажённые...

Доллан бросил взгляд сквозь щели жалюзи: мосье Марб как будто спал.

— И вдруг он заговорил о том, что хочет переехать на Юг и построить виллу. Я и не представляла себе, что он богат. Я спросила: «А на какие шиши?» — «Не твоё дело», — говорит. «Ты столько накопил?» — «Я не обязан ни перед кем отчитываться...». И с тех пор, прямо скажу, пошло всё хуже и хуже. Скрытный стал, как старуха. Когда уезжает, лучше не спрашивай куда. А открывает почтовый ящик, будто всё чего-то боится. Боязливый он очень, доктор... А вам признаться не смеет. Да вот... Он вам говорил, что, как услышит ночью шум, встаёт и обыскивает весь дом. Так неправда это всё! Может, он и слышит шум, хотя сама я никогда хорошенько ничего не слыхала. Правда, сплю я крепко... А вот что он будто бы выходит из спальни — уж извините! — ничего подобного. Наверняка стоит за дверью, слушает, а у самого поджилки трясутся. И только наутро, уж когда совсем светло, брат начинает рыскать по всему дому, проверять, не пропало ли чего... И больше всего знаете что меня пугает? У себя в спальне он всегда теперь держит три заряженных револьвера. И чем, вы думаете, он занимается после обеда? Спустится один в подвал с карманным фонариком, осветит приставленные к стене пустые бутылки и стреляет... Сами посудите, что это за развлечение для человека в его возрасте? Поневоле подумаешь...

Она не поняла, почему на губах доктора Доллана вдруг появилась лёгкая усмешка.

Дело в том, что сквозь щель в жалюзи он заметил, что кресло мосье Марба опустело, и догадался, что тот потихоньку поднялся по лестнице, какое-то мгновение прислушивался у двери, а затем...

Дверь и в самом деле распахнулась. Пойманная на месте преступления, Элоиза вздрогнула.

— Ты что тут делаешь?

— Я пришла узнать, не нужно ли чего доктору. Правда, доктор?

— Ступай...

Жаль, что доктора разморило от сытного завтрака и обильных возлияний, а то бы он лучше оценил неожиданность этой сцены и своеобразие обитателей виллы.

— Что она вам тут наплела? Я не решился вас предупредить или, вернее, только намекнул... После смерти мужа сестра пристрастилась к спиртному...

— А что, если мы в самом деле немножко отдохнём, мосье Марб, как вы любезно предложили?

— Ухожу, ухожу. Бога ради, простите... Когда я почувствовал, что сестры нет внизу... У меня острый слух, недаром я провёл столько лет с туземцами, а они ступают совершенно бесшумно.

Он нехотя ушёл, а Маленький доктор даже и не пытался уснуть. Больше того, боясь поддаться сонливости, он поборол искушение растянуться на кровати и остался сидеть в неудобной позе на стуле.

«Допустим, что мосье Марб не сумасшедший и говорит правду...»

Он прибег к тому же методу, который оказался столь успешным в предыдущих делах. Прежде всего надо найти твёрдую основу, опереться на какую-то бесспорную истину.

И эта истина сводилась примерно к следующему:

Неизвестный что-то ищет на вилле в Гольф Жуане. Это «что-то» трудно найти, поскольку в течение трёх месяцев неизвестный регулярно, дважды в неделю, посещает виллу, ищет и не находит.

И, наконец, до этого времени неизвестный ни разу не пытался завладеть этой вещью.

Одно из трёх:

1-е: либо три месяца назад этой вещи ещё не было на вилле.

2-е: либо неизвестный не знал, что вещь находится здесь.

3-е: либо неизвестный не мог тогда прийти за ней.

И почему он является только два раза в неделю? И всегда по средам и субботам? Ведь вилла по другим дням охраняется не лучше. Трудности или преимущества одни и те же. Значит, неизвестный свободен только по средам и субботам.

Наконец, его каким-то образом предупредили, что на вилле целую неделю сидела в засаде полиция — вот поэтому он и не являлся.

Продолжим: сумасшедший ли мосье Марб или он в здравом рассудке? Не будучи психиатром, Маленький доктор когда-то, в пору студенческой практики, изучал душевные болезни.

«Нервный, несомненно. Производит впечатление человека, которого преследует навязчивая идея, точнее говоря, человека, до смерти напуганного. И это не безотчётный страх! А страх перед чем-то совершенно определённым».

Это видно хотя бы из того, что, когда ночью в доме слышался шум, мосье Марб — если верить Элоизе, а у неё нет причин лгать, — не смел выйти из своей спальни.

Знает ли он, кто с такой настойчивостью роется в его вещах?

И если знает, то знает ли, что ищет этот человек?

Зачем бы ему упражняться в стрельбе из револьвера, да ещё в темноте, если он не решил когда-нибудь ночью пустить оружие в ход?

И, наконец, главный вопрос: если мосье Марб всё это знал, почему он обратился к Маленькому доктору, о способностях которого слышал лишь стороной, и почему, не удостоверившись даже в его согласии, послал ему чек на довольно крупную сумму?

«Сегодня вечером ни под каким видом нельзя пить, — дал себе слово Жан Доллан. — Потому что сегодня ночью

непрерывно что-то произойдёт. Либо я узнаю всё сегодня ночью, либо никогда не узнаю...»

В тот же миг он вздрогнул. Он думал, что до ночи может не беспокоиться, но события развивались быстрее, чем он предполагал.

Сначала в саду, затем на террасе послышались голоса — голоса двух спорящих мужчин.

Он приоткрыл окно, надеясь, что будет лучше слышно, но до него долетал лишь невнятный говор.

Была не была! Маленький доктор обулся, надел пиджак. Он же не обычный гость и вправе быть нескромным; если на то пошло, это даже его прямая обязанность.

Он спустился вниз, притворяясь, что после обеда хорошо вздремнул и не совсем ещё очнулся... В столовой Элоиза наводила порядок, если вообще мыслимо говорить о порядке в этом доме. Она шепнула ему:

— Сын к нему приехал.

Маленький доктор закурил и, приняв непринуждённый вид, вышел на террасу. Ему показалось, что мосье Марб, заметивший его первым, сделал сыну знак замолчать.

— Простите, если помешал, но...

— Что вы, доктор! Разрешите представить моего сына Клода. Я вам о нём рассказывал, не так ли? Посмотрите, какой он у меня рослый и красивый.

Гм!.. Рослый — это верно, сильный и гибкий. Брюнет. Смуглая гладкая кожа. Огромные глаза. Полные губы. И всё-таки не хотелось бы доктору иметь такого сына.

Отталкивали его крикливая эlegantность и нагловатая манера держаться.

— Здравствуйте, мосье! — довольно сухо приветствовал Клод доктора.

— Доктор — мой давнишний приятель — приехал погостить у нас несколько дней.

И мосье Марб взглядом дал понять доктору, что сыну ничего не известно.

— Вы тоже служили в колониях? — подозрительно осведомился Клод.

Боясь, как бы доктор Доллан не сказал чего-нибудь лишнего, мосье Марб ответил за него.

— Нет. Я познакомился с доктором в Сансере. Когда я узнал, что он приехал на несколько дней в наши края...

— Послушайте, доктор!

А он невоспитан, этот юный Клод!

— Не знаю, давно ли вы знакомы с отцом, но могу вас уверить, он чистый маньяк...

— Клод! — перебил мосье Марб, которому явно было не по себе.

— А что? Не вижу причин что-то скрывать. То, о чём я тебя прошу, вполне естественно, все могут это знать, тем более старый приятель, как ты говоришь...

— Мой сын, мосье Доллан...

— Дай я скажу. И признайся, я не так уж часто тебе надоедаю. Если на то пошло, я зарабатываю себе на хлеб, и это в достаточной мере похвально...

— Клод!

— Вы, конечно, меня поняли, доктор. Я прочно стою на своих ногах... Разве что время от времени, когда уж очень прижмёт, прошу у отца тыщонку-другую. Все молодые люди в моём возрасте так делают, да и почему он один должен пользоваться своим богатством... Сегодня я пришёл к нему...

— Если тебе нужна тысяча франков...

— Ты же знаешь, что нет, папа... Так вот, доктор, рассудите нас... Если вы успели осмотреть дом, то видели, что он смахивает не то на барахолку, не то на музей. Тут есть всё, что хотите, — и хлам, и неплохие вещицы. Отец такой человек, что не выбросит ничего, даже изношенный костюм; где-то у него хранится коробка со старыми пуговицами...

— Ты преувеличиваешь!

— Допустим. Тем не менее на чердаке наверху свалены все мои старые игрушки. В детстве меня баловали... Отец их сберёг. Они, понятно, ничего не стоят... Так вот, сегодня... У меня есть друг, у него сынишка... Я обещал ему для мальчонки свои старые игрушки и пришёл к отцу попросить...

Мосье Марб грустно улыбнулся.

— Вы поняли, доктор? Он находит вполне естественным забрать вещи, дорогие мне, как память о его детстве и о бедной моей жене...

— Да что ты слезу пускаешь! — накинулся на него молодой человек. — Так не дашь?

— Бери что хочешь... — покорно вздохнул старик.

— Я взял колымагу у приятеля... Я управлюсь в два счёта.

И без малейшего угрызения совести Клод бросился в дом, слышно было, как он взбегал по лестнице.

— Он хороший мальчик! — снова вздохнул отец. — Хоть и сумасброд. Последнюю рубашку готов отдать. Обещал другу, и вот...

— Может, нам пойти взглянуть?

— На что?

— На игрушки, которые он собирается увезти.

— Если вам угодно.

Минуту спустя они уже были на большем из двух чердаков и застали там Клода роющим в пыльном хламе. Мосье Марб и вправду был щедрым отцом. Вперемежку с туземными редкостями, вывезенными из колоний (тут оказалось даже чучело огромного крокодила!), стояли три деревянные лошадки, трёхколёсный велосипед, валялись оловянные солдатики.

— Ты всё забираешь? — спросил отец, глядя в сторону.

Маленький доктор внутренне насторожился. Странное дело, он ощутил, что молодой человек на миг заколебался. Клод пытался заглянуть в глаза отца. Что происходит между этими двумя людьми? И почему старик ещё упорнее глядит в угол?

— Да, всё!

— Как хочешь...

Клод шаг за шагом обходил чердак. Он подбирал всякую мелочь: картонного паяца стоимостью в несколько су, целлюлоидную флейту, продырявленный барабан, игрушечный пистолет.

И всё же был недоволен. Он перешагивал через ящики, мешки, туземные щиты, груды стрел. Он что-то искал и всё

хмурился. Время от времени Клод бросал на отца подозрительный взгляд.

— Тебе всё ещё мало? — пытался шутить мосье Марб. — По-твоему, этих игрушек не хватит, чтобы позабавить сынишку твоего так называемого друга?

— Я искал...

Клод запнулся. Маленький доктор почувствовал, что сейчас будет сказано главное.

— Что ты искал?

— Трубу... Да ты вряд ли её помнишь. Деревянная труба в синюю и красную полоску и с красным шёлковым помпоном.

— Не помню.

— Странно!

— Почему?

— Мне казалось, что я её видел.

— Ты считаешь, что сын твоего приятеля не может обойтись без...

— Да не в том дело. Я помню эту трубу, потому что это была моя любимая игрушка.

Очень хотелось бы её найти.

— Ищи!

Обращённый к доктору взгляд мосье Марба, казалось, говорил: «Вот вам дети! Ты всё им отдал! А в один прекрасный день они приходят и требуют, чуть ли не угрожают! Уносят дорогие как память вещи, чтобы отдать первому встречному. Им нет дела, что у отца сердце кровью обливается...».

И это действительно могло бы растрогать, если бы Доллан не почувствовал за этим какой-то внутренней фальши. Будто вслух говорилось одно, а подразумевалось совсем другое. Да, несомненно, под видимостью комедии или даже фарса тут разыгрывается настоящая драма, но драма, к которой у него нет ключа.

— Нашёл?

— Нет!

И молодой человек злобно уставился на отца.

— Может, ты хочешь обыскать весь дом?

Клод ничего не ответил. Но по нему видно было, что он готов ради какой-то грошовой деревянной трубы перевернуть

вверх дном коллекцию, которую бывший чиновник в колониях кропотливо собирал всю свою жизнь.

Чуть ли не комическую нотку внесла в этот спектакль Элоиза. Когда она, отдуваясь после крутой лестницы, появилась на чердаке, Маленький доктор сразу же понял по её глазам, что она как следует угостилась.

— Что вы тут делаете? — удивилась она.

— Да вот Клод забирает свои старые игрушки, чтобы отдать приятелю!

— И прекрасно!

— Все до единой.

— Пусть хоть всё уносит из дому. По крайней мере можно будет прибраться... Что ты ищешь, Клод?

— Деревянную трубу...

— В красную и синюю полоску, с большим помпоном?

— Да.

— Так она в гардеробе у отца. Я её на днях видела. Да ещё удивилась, зачем это он прячет среди одежды и белья грошовую игрушку.

Мосье Марб не дрогнул. Только побелел. Капли пота проступили у него на лбу.

— Это правда? — впившись в него взглядом, спросил Клод.

— Раз твоя тётя говорит... Не знаю... Может, положил туда случайно... Надоели вы мне, наконец, с этими дурацкими игрушками, будто у меня нет других забот! — Он впервые сорвался. Его захлестнул гнев, вернее, бешенство. — Неужели надо было непременно выбрать время, когда у меня гостит приятель, чтобы морочить мне голову с этими игрушками? И я думаю, не лучше ли будет, если...

— Где гардероб, тётя? — хладнокровно осведомился молодой человек.

— У него в спальне.

Не обращая ни малейшего внимания на отца, Клод спустился вниз. За ним поплёлся мосье Марб, следом — Маленький доктор, а Элоиза замыкала шествие.

— Я всегда удивлялась, к чему этой трубе... — бормотала она себе под нос.

Дверь в спальню была распахнута. Мосье Марб открыл гардероб.

— Ищи... Забирай её, если найдёшь...

И он горько усмехался, как человек, оскорблённый в своих лучших чувствах.

Клод уже слишком далеко зашёл, чтобы отступить. Он рылся в костюмах и в стопках белья, шарил рукой за выстроенными в ряд ботинками и сандалиями.

И вот настала минута, когда вся эта сцена, казалось бы, достигла вершины комизма. Минута, когда Клод среди накалённой до предела атмосферы вдруг потряс над головой вещцей, совершенно ничтожной по сравнению с вызванными ею страстями, — деревянной трубой, какие продаются на ярмарках, и притом так грубо размалёванной, что доктор чуть не прыснул со смеху.

Но он сдержался. Он бросил взгляд на хозяина дома и увидел, как из глаз мосье Марба скатились две слезы.

— В доме такой беспорядок... — лепетал старик упавшим голосом, отворачивая лицо.

**ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР
УЖЕ НИЧЕГО НЕ ЖДЁТ ОТ НОЧНЫХ ВИЗИТОВ
И В КОТОРОЙ ОБРАЩАЕТСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ
К ИНСПЕКТОРУ ТРУДА**

— Не обращайтесь внимания на моё волнение, доктор. Если б вы были отцом, вы бы меня поняли. Заметьте, я на него не сержусь.

Они стояли на террасе. Клод торопливо сваливал игрушки в машину.

— Сегодня вечером мы будем оба сторожить и...

— Если я вернусь, — поправил Жан Доллан.

— Как? Вы уезжаете?

— Мне надо съездить в Ниццу. Не беспокойтесь обо мне.

— Но если явится мой гость и...

Доллан чуть было не сказал: «Он не явится!», но удержался. Он уже знал по опыту, что никогда не следует выказывать излишнюю уверенность.

Погрузив всё в машину, Клод подошёл к ним.

— Надеюсь, папа, ты на меня не сердишься. Я ведь пообещал... Прости меня, если я тебя расстроил. Но признайся, игрушки эти здесь вовсе ни к чему, им скорее место там, где ребёнок...

— Да, да, — кивнул старик.

— До скорого... Прощайте, доктор. Развлекайтесь тут у папы. До свидания, тётя.

Быть может, ему стало неловко за свою настойчивость? Он был любезнее, чем полчаса назад, словно скинул с себя какую-то заботу.

— Ну улыбнись! И забудем про всё это! Улыбка у мосье Марба, несмотря на все его старания, получилась кислая.

— Я исчезаю. Меня ждут друзья.

— Я тоже исчезаю... Не беспокойтесь обо мне, мосье Марб.

— Но...

Слишком поздно. Не успел автомобиль Клода проехать метров двести по прибрежной дороге в сторону Жуан-ле-Пэна, как Маленький доктор вскочил в свою Жестину и завёл оглушительно стреляющий мотор.

Если б его в эту минуту спросили, почему он так торопится, не боясь показаться смешным, он несомненно ответил бы: «За трубой!».

И надо думать, что труба действительно имела немало-важное значение, поскольку, не доезжая до Антиба, Клод обернулся. Заметил ли он, что его преследуют? Так или иначе, он прибавил газу, но — увы! — заставить Жестину бежать быстрее было трудно.

Потом, вместо того чтобы катить по шоссе в сторону Ниццы, Клод свернул в первую улицу налево, затем повернул направо, развернулся под прямым углом, дал задний ход и въехал в узкий проулок, где едва могла пройти машина.

Когда несколько минут спустя Маленький доктор поравнялся с проулком, машины и след простыл. Жан Доллан не стал упорствовать. Несмотря на все зарок, ему пришлось зайти в кабачок позвонить. Он даже не знал, есть ли на вилле мосье Марба телефон, но, к счастью, телефон оказался.

— Алло! Это говорит доктор Доллан! Не будете ли вы так любезны дать мне адрес вашего сына в Ницце?.. Как вы сказали?.. Да нет! Не беспокойтесь... Да! Думаю, что буду... Как вы сказали?.. Гостиница «Альбион»? Спасибо.

— Нет, мосье. Мосье Клод ещё не возвращался. Он редко приходит домой раньше двенадцати, а то и попозже.

— Благодарю вас. — Маленький доктор повесил трубку. Его трясло от лихорадки, той знакомой уже теперь доктору лихорадки, которая охватывала его всякий раз, когда в ходе исследования его, наконец, осеняла мысль... Мысль нелепая... Мысль, которую он прослеживал с тем большим упорством, чем невероятнее она казалась...

— Послушайте, гарсон!.. Работники каких профессий свободны вечером только по средам и субботам?

— Как вы сказали?

— Я спрашиваю, в какой профессии люди свободны только...

— Право, не сумею вам сказать. Раньше были определённые выходные дни. У парикмахеров, колбасников, мясников, у каждого был свой день. А сейчас, с этим новым трудовым законодательством, запутаешься. Работают чаще всего по скользящему графику. А у нас в Ницце, с нашими казино, сам чёрт себе ногу сломит...

А надо было действовать быстро. Надо было найти решение сейчас, сию минуту.

— Гарсон!

— Что желаете? — подозрительно отозвался тот.

— А кто контролирует этот скользящий график или как вы его называли?..

— Инспектор труда, а кто же ещё!

— Благодарю!

И через десять минут Маленький доктор уже сидел перед этим чиновником, слушавшим его с нескрываемым изумлением.

— Поймите меня правильно, господин инспектор. Вопрос очень щекотливый. Лицо это свободно ночью только два раза в неделю, по средам и по субботам. Значит, есть основание предполагать, что все остальные ночи этот человек работает, во всяком случае допоздна... Я понятия не имею ни о ваших правилах, ни о разбивке по сменам, но мне говорили, что всё это находится под вашим контролем. Люди каких профессий работают по ночам в краю, где нет ни фабрик, ни заводов?.. Крупье, официанты в казино, пекари... Ну кто ещё?..

— Ночные смены существуют у газовой компании и на электростанции. Я не говорю о водопроводе и...

— Две ночи в неделю, инспектор! Вот из чего нам нужно исходить... Можно вас попросить заглянуть в ваши списки?

Как и всегда в такие минуты. Маленький доктор весь напряжился. Вот тогда-то он становился похож на чёртика-дергунчика, выскочившего из коробки.

— Две ночи... — бурчал себе под нос инспектор. — Вот что смущает. Одна это было бы понятно... Пойдите-ка! В некоторых заведениях ночная работа чередуется с дневной. Но тогда одну неделю работают в ночь, а другую в день. Разве что...

— Говорите же!

— Разве что в казино на набережной... Да и то это касается только барменов! Но вы навели меня на мысль. Они договариваются между собой, чтобы иметь по две ночи в неделю, и в эти дни готовят за другого утренний аперитив.

— Спасибо. Большое спасибо.

Он уже выскочил из комнаты, а инспектор ещё долго думал, что за чудак к нему ворвался.

Что касается доктора, то он помчался в казино на набережную. Заплатил за вход. И бросился к бару первого игорного зала.

— Маленький коктейль...

— Мартини? Розовый?

— Можно розовый...

Питом второй, чтобы войти в доверие к бармену.

— Скажите... Вас здесь много?

— Барменов, что ли? Да с дюжину.

— Я ищу одного из ваших коллег, мы должны были с ним встретиться, да вот забыл, как его звать. Знаю только, что сегодня вечером он свободен. По средам и субботам он работает днём.

— Высокий такой, косой?

— Как его звать?

— Патрис.

— А живёт он где?

— Не знаю. Могу спросить у старшего бармена. А то ещё, может быть, Пьеро-с-островов...

— На всякий случай дайте и его адрес. А пока повторим...

Три коктейля! Но зато два адреса, из которых один был прямо-таки бесценным: Пьеро-с-островов жил в гостинице «Альбион» на маленькой улочке, выходящей на Променад-дез-англе.

— Мужчина средних лет?

— Да нет, постарше. Пьеро, пожалуй, все пятьдесят будет... Хотя он столько колесил по свету... Даже на тихоокеанских островах побывал. Потому его и прозвали Пьеро-с-островов. А потом и на другом острове, о котором он меньше любит

вспоминать, — на Чёртовом острове в Гвиане. Если это вы его ищете, так он около восьми бывает в итальянском ресторанчике на углу улицы...

Нет! Даже в знак признательности Маленький доктор не станет пить четвёртый коктейль.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, ДОКАЗЫВАЮЩАЯ, ЧТО СЛЕПАЯ ФОРТУНА МОЖЕТ ПОДЧАС ОКАЗАТЬСЯ НЕМОЙ И ЭТО ОТНЮДЬ НЕ ВСЕХ УСТРАИВАЕТ

— Вы не скажете, мосье Клод Марб у себя?

Гостиница «Альбион» оказалась хоть и современной, но второразрядной гостиницей, постояльцами которой, по-видимому, были служащие казино, платные танцоры, всякие девицы.

— Он прошёл наверх полчаса назад. Понёс какие-то свёртки. Но я не знаю, может быть, он потом и вышел... Алло! Пятьдесят седьмой! Алло!.. Что вы сказали?.. Пятьдесят седьмой не отвечает... Спасибо!

Портье пробормотал сквозь зубы:

— Что-то я не видел, чтобы он выходил...

— А в каком номере живёт Пьеро-с-островов?

— В тридцать втором. Желаете, я позвоню узнаю...

— Благодарю. Не беспокойтесь. Он меня ждёт.

И Маленький доктор кинулся вверх по лестнице. Подходя к тридцать второму номеру, он услышал возбуждённые голоса за дверью, но слов разобрать нельзя было, и он решил постучать.

Дверь осторожно приоткрылась, и незнакомый доктору человек, оглядев его, буркнул:

— Что вам?

В то же мгновение Доллан увидел тёмный на фоне окна силуэт второго человека — это был Клод. Тот его узнал и удивлённо пробормотал:

— Пусть войдёт. — Потом недоверчиво добавил: — А что вам тут надо?

Уф! Самое трудное позади. Он в номере. И раз эта парочка вместе, значит, он не ошибся. Но что он, в сущности, знает? Ничего или почти ничего!

Точнее говоря, он знает, что последние три месяца Пьеро-с-островов искал на вилле мосье Марба трубу и её не нашёл.

Он знает, что, отчаявшись, Пьеро обратился к Клоду Марбу и, вероятно, предложил ему крупную сумму, если тот добудет трубу.

Он знает, что труба эта была на Таити.

Мосье Марб жил на Таити.

Пьеро-с-островов жил на Таити, до того как...

Обычный номер с тесным туалетом. Игрушки в беспорядке валялись по углам, у одной из лошадок в пути отломалась голова. А труба... труба лежала на кровати.

— Я жду ваших объяснений, — не очень-то ласково процедил Пьеро.

— Вот... Пришёл вас предупредить... Лучше не ходите сегодня ночью на виллу к мосье Марбу. Правда, вы, вероятно, и не собирались, поскольку труба, наконец, в ваших руках...

Пьеро впился в него своими маленькими глазками.

— Слышь, Клод! — злобно пробурчал он. — Это ты навёл на меня этого субчика?

— Клянусь, я от него отвязался в Антибе. Не понимаю, откуда он мог...

— Сейчас я вам всё объясню, ребятки, — лихо блефовал доктор. — Злитесь небось? В трубе не оказалось того, на что вы рассчитывали?

— Уж не из полиции ли вы случайно?

— Я? Никогда в жизни! Я врач. И что меня сейчас занимает, это почему мосье Марб, человек вообще мирный и даже боязливый, непременно хотел убить своего ночного гостя, хотя тот не причинил ему ни малейшего вреда и ничего у него не украл...

Оба были изумлены, особенно Клод, который глядел на своего товарища, ожидая от него какого-то объяснения.

— Вы говорите, он хотел?.. — переспросил Пьеро.

— А как же! Он в темноте упражнялся в стрельбе из револьвера. Потом, боясь, как бы его всё же не обвинили в убийстве, предусмотрительно пригласил меня. Я должен был слушать ему ширмой. Показал бы под присягой, что он стрелял в порядке законной самозащиты...

— Вот подлец!

— Совершенно с вами согласен. Но скажите, труба...

— Э-э, доктор, знать-то вы кое-что знаете, да не всё... Верно? Я не новичок, меня не проведёшь. Известное дело, теперь не отвяжетесь, пока всё не узнаете. А я терпеть не могу, когда суют нос в мои дела... Клод, тот знает ещё меньше вашего. Я просто пообещал ему десять кусков, если он притащит мне все игрушки из дома отца и деревянную трубу тоже...

Пьеро пожал плечами.

— Опоздал, к сожалению! Но этой свинье придётся отвалить мне хороший куш, не то... Больно легко разыгрывать из себя честного человека и пользоваться трудами других... Вот что, доктор, уж если вы действительно доктор: меня просто с души воротит... Да, воротит! И если б этот Марб был сейчас здесь... Прости, Клод, но шутка, которую сыграл со мной твой мерзавец отец... Ладно уж, просвещу вас, теперь всё равно. Это было на Таити. Я хватался за любую работу. Ловил иностранных туристов. У меня была моторка, на которой я возил любителей поохотиться на акул. Как-то взял одного. Янки попался. По пути, уж не знаю почему, открывает он бумажник и что же я вижу! Четыре банкноты по десять тысяч долларов. Вы-то знаете, что у американцев денег хватает, они выпускают банковые билеты на какую хочешь сумму: десять тысяч долларов, пятьдесят, сто тысяч... Надо только попросить в банке. Мой тип — он ехал в кругосветное путешествие — объяснил мне, что так удобнее, меньше места занимает. Словом...

В комнатухе воцарилась тягостная тишина, и у Клода, так же как и у доктора, перехватило дыхание.

— Словом, его утащила акула. Это уж не наше дело. Мне это дорого стоило. Пятнадцать лет отмантулил. Был на торге, если хотите знать, потому как присяжные не поверили в историю с акулой. А что касается банкнот... Я иногда заходил к Марбу, он был неплохой мальчик... У него был ребёнок... Я как

раз сидел у него, когда узнал, что меня притянут за янки. Бумажки лежали у меня в кармане.

Но не такой я дурак! Поднял с полу вон эту трубу, свернул билеты и туда их запихнул. Подумать только, по нынешнему курсу у меня было бы полтора миллиона франков! Пятнадцать лет каторги. Ни днём меньше, и выходишь оттуда гол, как... Я сказал себе: «Надо разыскать Марба. Надо добыть мою трубу». И вот три месяца назад узнаю, что он построил в Гольф Жуане виллу и там у него настоящая лавка старьёвщика. Я нанимаюсь в казино... И два раза в неделю...

— Знаю! — прервал его Маленький доктор. — Вы не нашли трубы.

— И я уговорил его сына!

— Тоже знаю.

— Но мерзавец уже...

— Я даже могу вам сказать, когда! Через два года после возвращения во Францию, когда он жил с сестрой в Сансере, он нашёл банкноты в трубе. Что поделаешь?

— Догадался ли он сразу, что...

— Ещё бы! Власти с ног сбились, разыскивая эти банкноты по всему Таити, а такие банкноты... Но он знал, что я на каторге. И воспользовался этим. Построил виллу. А остальное рассовал по банкам. Потом, когда узнал из газет, что я на воле, когда стал слышать по ночам шум... Только я, конечно, дурак. Я не представлял, что он нашёл мою захоронку. Думал, отставной чиновник может отгрохать себе такую виллу... Не могу же я пойти в полицию и заявить: «Верните мне деньги, которые я украл у американца и спрятал в игрушечную трубу у такого-то...». Понимаете? И он, пройдоха, прекрасно это знает! Но боится...

Мосье,

Считая расследование законченным и задачу, которую Вы сообразовали мне поставить, разрешённой, я приношу свои извинения, что не мог лично проститься с Вами и с Вашей уважаемой сестрой, прошу принять... и т. д.

Доктор Доллан.

Зачем туда возвращаться? Чтобы схватить мосье Марба за плечи и кинуть ему в лицо: «Вы прекрасно знали, кто ваш ночной посетитель, и не боялись никаких ту-папау! Но вы не смели встретиться с ним один на один. Не смели один на один его убить. Вы страшились и самого поступка, и ответственности... И вот, поскольку он был предупреждён вашим сыном совершенно неумышленно — о полиции, вы подумали о любителе... "Простодушный любитель" — так, вероятно, отозвался обо мне ваш приятель, прокурор в Невере... Любитель, который будет возле вас, чтобы стать свидетелем и подтвердить, что вы стреляли в состоянии законной самозащиты... Вы мне омерзительны, мосье Марб. Вы воспользовались деньгами, добытыми ценою преступления, и лучше будет, если...»

Прошла неделя. Никаких вестей от Марба. Зато открытка, на которой было нацарапано: «Порядок! Я его дойму. Пьеро».

А полгода спустя: «Договорились. Женюсь на Элоизе. И вилла и деньги — всё пополам. Пьеро».

Это было первое дело Маленького доктора в качестве частного сыщика.

— А чек? — язвительно спрашивала Анна.

Он дал ей понять, что будет ещё и другой чек... Но ни чека, ни вестей от самого Марба Маленький доктор так никогда и не дождался.

Le Fantôme de M. Marbe, 1938
Перевод: В. Курелла
Иллюстрация: П. Пинкисевич

РАССЛЕДОВАНИЕ № 8

ПАССАЖИР И ЕГО НЕГР

**ГЛАВА ПЕРВАЯ,
В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР,
ПОПАВ НА РОСКОШНЫЙ ТЕПЛОХОД,
СОВЕРШАЕТ ИНТЕРЕСНОЕ МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
В КРАЙ ЛЕСОРУБОВ, НЕ ПОКИДАЯ ПОРТА БОРДО**

— Быть может, добавить льда?

— Чуть-чуть. Благодарю...

Доллан с трудом сохранял выдержку, не показывая виду, что временами готов рассмеяться им прямо в лицо. Не верилось, что он, Маленький доктор из Марсийи, в сером поношенном костюме, с небрежно завязанным галстуком и в старой шляпе, выдавшей вида, сидит сейчас в салоне первого класса, стены которого обшиты красным деревом. Сидит, заложив ногу за ногу, удобно откинувшись в кресле, и попыхивает одной из тех гаванских сигар, что курят миллиардеры, а перед ним — стоит только протянуть руку — бокал виски со льдом.

Да, теплоход «Мартиник» стоял на якоре в порту, а не бороздил безбрежную гладь океана. Через иллюминаторы, в солнечной пыли, виднелись лишь набережные Бордо, а вместо грохота океанских валов, дыхания машин, плеска волн, бьющих о борт, слышался скрежет кранов, разгружавших судно.

Какое избранное общество окружало Маленького доктора, какие высокопоставленные лица оказывали ему внимание! Старый господин с бородкой, беспрерывно протирающий пенсне, — не кто иной, как администратор компании. Рослый молодцеватый человек с проседью, в белом мундире, украшенном галунами, — капитан парохода. Все прочие — офицеры, уполномоченный морского министерства и судовой врач.

А ведь ещё несколько месяцев назад все эти господа обошлись бы с ним как с мальчишкой и, пожалуй, просто выставили бы за дверь. Но вот, совсем неожиданно, к нему пришло настоящее признание — он стяжал славу великого мастера по раскрытию тайн. Даже ворчунья Анна, его служанка, преисполнилась уважения, прочитав телеграмму:

НАСТОЯТЕЛЬНО ПРОСИМ ВАС НАЧАТЬ СРОЧНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ БОРТУ ТЕПЛОХОДА МАРТИНИК ТОРГОВОМ ПОРТУ БОРДО ТЧК СОГЛАСОВАНО ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОЛИЦИЕЙ КОТОРАЯ ПРЕДОСТАВИТ ВАМ ВСЕ УДОБСТВА ТЧК ПРИНИМАЕМ ЗАРАНЕЕ ВСЕ ВАШИ УСЛОВИЯ.

Его маленький, в пять лошадиных сил, «ферблантин», покрытый пылью, стоял среди доков на набережной. Все эти господа были крайне удивлены и даже, казалось, разочарованы: «великий» детектив оказался молодым человеком лет тридцати, невзрачным, сухопарым и весьма скромно одетым.

Первым заговорил главный администратор компании:

— Драма, разыгравшаяся на борту парохода, доктор, окружена тайной и может принести большой ущерб компании, которую я представляю. С другой стороны, официальная полиция, вынужденная прибегать к некоторым, так сказать, научным методам, арестовала одну особу, а её арест может принести нам ещё больший ущерб.

Вот почему мы просим вас сделать всё возможное, чтобы как можно скорее раскрыть истину. «Мартиник», как вам известно, совершает регулярные рейсы вдоль западного берега Африки — иначе говоря, курсирует между Бордо и Пуант-Нуар, заходя во все французские колониальные порты. Он прибыл этой ночью. По расписанию он должен отправиться в рейс через два дня, но, очевидно, власти задержат его в Бордо, если тайна не будет раскрыта. Весь личный состав корабля в вашем распоряжении. Наша касса также. Мне остаётся только пожелать вам удачи и дружной работы вместе с этими господами.

И, довольный своим красноречием, господин с бородкой торжественно пожал руку Маленькому доктору и капитану, небрежно кивнул менее важным лицам и направился к лимузину, ожидавшему его у большого трапа.

— Опишите, пожалуйста, факты, капитан.

— Охотно... Начну с конца, то есть с событий этой ночи. По расписанию «Мартиник» должен был пришвартоваться

вчера, во вторник, около шести часов вечера. Сначала нас задержало довольно сильное волнение в Гасконском заливе. Затем, когда мы поднимались по Жиронде, разразилась сильная гроза. Видимость была плохая, и мы наткнулись на мель. Потеряв около трёх часов, мы прибыли в Бордо, когда таможня уже была закрыта.

— Вы хотите сказать, что пассажиры не могли сойти на берег?

— Именно так... Они вынуждены были ждать утра.

— Простите... Сколько времени пассажиры находились на борту?

— Те, которые сели в Пуант-Нуаре, — три недели.

— Родственники и друзья ожидали их на пирсе?

— Совершенно верно... Так случается довольно часто. Излишне рассказывать, что всякий раз задержка раздражает пассажиров. По счастью, у нас всего двадцать пассажиров в первом классе. Ведь сентябрь — период отпусков — уже прошёл...

— Таким образом, драма произошла уже здесь, на пирсе?

— Мне хотелось бы описать вам поточнее обстановку. Наступила ночь. Все пассажиры столпились на палубе, махали носовыми платками, любуясь освещённым городом, кричали в рупор, рассказывая своим близким о новостях. До прихода таможенного чиновника и санитарного представителя, которые явились сегодня в шесть утра, никто не имел права сойти на берег.

— И никто не сошёл?

— Сойти было невозможно... Полиция порта и таможенники расставили охрану вдоль парохода. Представьте себе, что большинство пассажиров покинули Францию более трёх лет назад, а некоторые — и все десять. Как я говорил, настроение у людей было не блестящее. Некоторые даже пытались улизнуть, но беглецов быстро водворяли на место. И вот тут-то Кероль, известный в Экваториальной Африке под именем Пополь, всё уладил по-своему, крикнув: «Угощаю всех шампанским. Прошу в бар первого класса!».

— Извините, — негромко перебил его Маленький доктор, словно примерный школьник. — Я незнаком с устройством таких великолепных пароходов. Где находится бар первого класса?

— На верхней палубе. Сейчас покажу. Большинство пассажиров предложение приняли. Только некоторые отправились спать...

— Прежде чем продолжать, ещё один вопрос: кто этот Кероль, по прозвищу Пополь?

Ответ прозвучал комично, ибо, не подумав, капитан выпалил:

— Труп.

— Позвольте... Ну, а до тех пор, пока он стал трупом?..

— Был кутилой, довольно известным как в Бордо, так и на Африканском побережье. Он — так называемый лесоруб...

— Очень жаль, капитан, но как понимать: что такое лесоруб... Не простой же дровосек, надеюсь?

Офицеры улыбнулись. Но доктор не повёл и глазом, как всегда сохраняя спокойный и невинный вид примерного мальчика.

— Лесорубы, как правило, предприимчивые и решительные ребята. Они добиваются от губернатора концессий на несколько миллионов гектаров в экваториальных лесах, часто расположенных на значительном расстоянии от центров. Забираются туда, вербуют рабочих среди местных жителей, отправляют их на рубку красного и чёрного дерева и тут же сплавляют его по реке на берег... И нередко за несколько лет такие лесорубы наживают миллионы...

— Так было и с вашим Пополем?

— Три-четыре раза он наживал миллионное богатство. Возвращался во Францию и за несколько месяцев всё спускал... Вот один любопытный штрих: четыре года назад он вернулся в Бордо с полными карманами... Лил проливной дождь. Из кафе, что напротив театра, Пополь увидел дам в вечерних туалетах и мужчин во фраках. Ради забавы он нанял все экипажи, все такси, которые нашлись в Бордо... Составился длинный кортеж... И вот он едет во главе сотни экипажей мимо театра, а зрители тщетно пытаются знаками остановить такси...

Пришлось несчастным возвращаться домой пешком под проливным дождём, а Пополь...

— Что же, он снова поехал в Габон?

— Да, и сейчас возвращался оттуда уже в четвёртый раз, и опять богачом, по крайней мере, он так утверждал... Его сопровождал негр, которого он в шутку назвал «Виктор Гюго», громадный негр из племени банту. Пополь не желал походить на других. Вот потому-то он и снял для негра каюту первого класса, рядом с каютой люкс, которую занимал сам... Усаживал его за свой стол в столовой первого класса... Напрасно я старался его отговорить... «Я за всё плачу, не так ли? — возражал Пополь. — Не станет же он плевать в блюда!»

— Где сейчас этот Виктор?

— Скрылся... Погодите, сейчас дойду и до этого. Кроме Пополя и его негра, на борту находились только люди солидные, в основном — чиновники с положением и даже один генерал. Разумеется, Пополь со своим негром никак не подходили к этой компании... Жаль, что вы его не знали... Конечно, он был грубоват... Видный был малый, лет сорока, рослый, скуластый, с дерзкими глазами, жизнерадостный. Он мог опустошить бутылку перно или пикона, не охмелев... Не переваживал чиновников и вечно над ними издевался. Он подсаживался к вам за стол без приглашения, заказывал выпивку для всех, рассказывал были и небылицы, хлопал собеседника по плечу, но был так обаятелен, что неприязнь к нему сразу рассеивалась. Ну, а женщины...

Тонкая улыбка скользнула по губам капитана: он взглянул на офицеров, потом продолжал:

— Не хотелось бы мне дурно отзываться о представительницах слабого пола, большим поклонником которого являюсь сам...

Маленький доктор уже заметил, что капитан неравнодушен к хорошеньким женщинам.

— Не знаю уж отчего-из-за жары или безделья, но вульгарные манеры Пополя некоторым дамам нравились.

— Не можете ли вы хотя бы назвать фамилии женщин, за которыми ухаживал Пополь? — спросил Маленький доктор.

— Прежде всего за красавицей Мендин, как её называют в Браззавиле. Муж её — администратор... Они вместе возвращались из полугодового отпуска.

— А что собой представляет мосье Мендин?

— Человек серьёзный, даже мрачный, с утра до вечера дуется в бридж, проклиная все трапезы — ведь они мешают игре!..

— Кто ещё?

— Конечно, мадемуазель Лардилье.

— Почему вы говорите — конечно?

— Потому что её-то и арестовали...

— Опишите мне, как произошла драма.

— Возвращаюсь к прошлой ночи... Почти все пассажиры пили в баре...

— Мадам Мендин находилась там же?

— Да. Пришёл и её муж и уселся за бридж в углу вместе с генералом и ещё двумя пассажирами.

— А мадемуазель Лардилье?

— Она тоже была там.

— А её отец? Полагаю, что эта барышня путешествует не одна вдоль побережья Африки?

— Её отец — Эрик Лардилье, владелец «торговых контор Лардилье», которые встретишь во всех портах Габона... Вы не знаете Африки? Тогда я уточню смысл слова «контора». Это огромные предприятия. В одной такой конторе продаётся и покупается всё: местное сырьё, машины, автомобили, продовольствие, одежда, инструменты, случается даже-пароходы и самолёты...

— Следовательно, у него большое состояние?

— Очень большое...

— Пополь и Эрик Лардилье были знакомы?

— Разумеется, они не могли не знать друг друга. Но я никогда не видел, чтобы они разговаривали... Лардилье выказывал пренебрежение к искателям приключений, которые, по его мнению, подрывают репутацию дельцов из колоний.

— Мосье Лардилье находился в баре?

— Нет. Он рано отправился спать.

— Теперь расскажите, пожалуйста, о самой сути драмы.

— В первом часу ночи Пополь оставил веселящееся общество, сказав, что тотчас же вернётся. Казалось, он что-то позабыл в каюте...

— Негр был с ним?

— Нет. Негр, должно быть, был в каюте, укладывал чемоданы... Это меня наводит на мысль об одной детали, о которой я сейчас расскажу... Итак, Пополь сошёл вниз. В это время один из стюардов — Жан Мишель, который находится на службе в компании долгие годы и пользуется полным доверием, шёл по коридору мимо каюты Пополя.

Дверь была приоткрыта. Стюард машинально заглянул туда и увидел посреди каюты мадемуазель Лардилье. Она держала в руке револьвер... «Что вы делаете?» — кликнул он с ужасом и бросился в каюту. Дверь в ванную была также открыта. Он вошёл туда... У самой ванны в луже крови лежало тело Поля Кероля, по прозвищу Пополь! Стюард сейчас же поднял тревогу. Первым подоспел доктор... и констатировал, что пассажир, получивший сквозное ранение в спину, умер сразу.

Ему пришла мысль обернуть револьвер в носовой платок, который мадемуазель Лардилье, оторопев, положила на стол... Я известил власти... Расследование началось немедленно, чтобы утром пассажиры могли покинуть пароход. Представляете себе, какую ночь мы провели!

— Ну, а негр? — допытывался Маленький доктор.

— Разыскать его не сумели. Таможенники и агенты не видели, как он сошёл. Большая часть иллюминаторов была открыта из-за жары, и, возможно, он пролез через иллюминатор левого борта и добрался до набережной вплавь.

— Что же говорит мадемуазель Лардилье?

— Антуанетта... — начал было капитан и прикусил губу. Потом продолжал: — Мы с ней были добрыми друзьями... Вот почему я и назвал её по имени... Её допрашивали больше часа, но ничего не добились, кроме слов, которые я уже знаю наизусть: «Я направлялась к себе в каюту за испанской шалью, так как становилось свежо, и, проходя мимо раскрытой двери мосье Кероля, была поражена, увидя на полу револьвер. Я его подняла и собралась позвать на помощь, как вдруг появился

стюард... Больше я ничего не знаю... Я понятия не имела, что в ванной комнате лежит труп... Не было у меня никаких причин убивать мосье Кероля».

— К несчастью, — вздохнул капитан, — на револьвере, которым был убит Пополь, были найдены отпечатки только её пальцев. Вот копия с протокола допроса. Не угодно ли взглянуть?

«Вопрос. Постоянно ли вы встречались с мосье Керолем во время путешествия?»

Ответ. Как почти со всеми на корабле.

Вопрос. Свидетели утверждают, что вам случалось довольно поздно прогуливаться с ним по палубе.

Ответ. Я ложусь поздно. Иногда я действительно бывала на палубе с ним или с капитаном. Но ведь это ещё не значит, что я убила мосье Кероля».

— Что вы на это скажете, капитан?

— Всё это правда...

Маленький доктор снова углубился в чтение.

«Вопрос. Вы никого не встретили в коридоре?»

Ответ. Никого.

Вопрос. Однако убийца не мог уйти далеко, ибо врач установил, что мосье Кероль только что испустил последний вздох.

Ответ. К сожалению, больше ничего не могу добавить. И отвечать больше не буду...»

— Ещё немного виски? Пожалуйста... Итак, полиция задержала Антуанетту. Она арестована. Её отец вне себя от ярости. Это крупный клиент компании, и он готов поднять на ноги всех экспортёров Бордо против нас... Мне-то и пришла в голову мысль, доктор, обратиться к вам, так как мне известны многие ваши расследования... Не думаю, что Антуанетта виновна... Убеждён, что это дело выходит далеко за рамки обыкновенной любовной истории, и вот об этом-то я и хотел вам

сказать. Должен вам заметить, что, сев на «Мартиник» в Либревиле, Пополь сразу же повёл себя странно. Правда, он всегда был оригиналом и кутилой, пускал пыль в глаза, любил принимать эффектные позы... Но на этот раз, по-моему, он был чем-то взбудоражен. Он всё время повторял: «У американских гангстеров хорошая личная охрана. Я тоже рискую и потому завёл себе телохранителя». Говорил он и другое, особенно когда бывал в подпитии — а это случалось ежедневно. Вот, например, одна из фраз, которую я запомнил: «На этот раз моё богатство лежит не в банках, и я теперь спокоен: государственная казна не отнимет у меня половину, как в последний мой рейс во Францию...».

Маленький доктор, как всегда бесстрастный и вежливый, спросил:

— Вы догадались, на что он намекал?

— Нет... Примечательно, что он говорил о многих миллионах. Утверждал, что ему не придётся больше возвращаться в Африку. Когда африканский берег исчез из виду, он воскликнул: «Прощай навсегда!». В другой раз он сказал (бармен Боб это услышал): «Если приеду в Бордо живым, заделаюсь настоящим барином. И на этот раз — надолго!».

— Полагаю, капитан, ваш Пополь не вёз с собой миллионы в банковых билетах?

— Это невозможно! — оборвал капитан. — Где бы он добыл билеты на такую сумму? Банк Либревиля не имеет в своём распоряжении таких сумм. Однако...

Тут в разговор вмешался судовой врач.

— У меня есть основание думать, что Пополь держал деньги при себе. Мне вспомнилась одна подробность. Случилось это после остановки в Большом Бассаме. В эту ночь он много пил — больше обычного. Утром пришёл встревоженный ко мне в каюту: «Прослушайте меня, доктор. Сейчас, когда я обеспечен на всю жизнь, так глупо было бы...». И, обнажив грудь, пояснил: «Сегодня я почувствовал покалывание с левой стороны... Скажите, может быть, это болит сердце?». Я его разуверил... Он стал одеваться. Надевая полотняную куртку, он заметил на полу небольшой бумажник из крокоди-

ловой кожи — бумажник выпал из его кармана... Он усмехнулся и быстро его поднял: «Шутки в сторону — чуть было не оставил свой капитал в вашей каюте... Дороговато за одну консультацию. Хотя вы, конечно, не могли бы это реализовать...». Впрочем, бумажник был плоский. Содержимое, видимо, было невелико.

— А вы рассказали об этом визите полиции? — спросил Маленький доктор с некоторой тревогой.

— Признаюсь, не подумал. Рассказ капитана натолкнул меня...

— Капитан, как единственный хозяин на борту, вы, конечно, присутствовали при осмотре трупа и при обыске каюты. Скажите, не заметили ли вы при этом бумажника, о котором идёт речь?

— Нет. Я видел толстый кожаный портфель, набитый разными бумагами, и паспорт. Ничего больше.

— Не знаете, где мадам Мендин проводит в Европе отпуск?

— В Аркашоне. У них там своя вилла.

— Благодарю. Полагаю, что во Франции мосье Лардилье живёт в Бордо?

— На набережной Шортрон... Метрах в пятистах отсюда.

— Он сел в Либревиле?

— Нет... Главная его контора находится в Либревиле, но он сел вместе с дочерью в Порт-Жантиле.

— А Пополь знал, что Лардилье будет вашим пассажиром?

— Понятия не имею.

— Может быть, знает господин уполномоченный?

Тут вступил в разговор сам уполномоченный:

— В первый же день мосье Кероль спросил меня, каких пассажиров мы берём, заходя в порты. Я ему показал список.

— А вы не заметили, как он отнёсся к списку?

— Это было давно... Я никак не ожидал, что путешествие завершится трагедией. Впрочем, я готов утверждать, хотя присягнуть не могу, что на губах у него промелькнула какая-то странная улыбка.

— Улыбка удовлетворения?

— Трудно сказать... Однако... мне не хочется, чтобы вы придавали чересчур большое значение тому, что я вам говорю, но мне кажется, улыбка была иронической. Нет. Пожалуй, не совсем точно... Скорее саркастической.

— И он ничего не сказал?

— Его слова тогда меня не удивили, но теперь, пожалуй, они обретают смысл: «У нас не будет недостатка в хороших женщинах!».

— Благодарю вас, мосье! — с важностью произнёс Маленький доктор. В первый раз он счёл нужным принять почти торжественный вид.

— Могу ли я спросить вас, доктор, что вы думаете об этом и как на всё это смотрите?

— Отвечу вам через двадцать четыре часа, капитан!

Он чуть не расхохотался, видя, какое значение придают эти господа его словам, но тут же подумал: «Ах ты простачок! Не так уж плохо, конечно, произвести впечатление на всех этих важных господ и сделаться в некоторой степени национальной знаменитостью. Всё дело теперь в том, как раскрыть загадку. А посему хватит бездельничать в салоне первого класса, попивать ледяное виски и покуривать дорогие сигары. В моём распоряжении всего несколько часов, и можно остаться в дураках и вернуться в Марсией с поджатым хвостом...».

И всё же ему было весело. Вероятно, яркое солнце, новая для него обстановка, великолепный теплоход, белые мундиры, неуловимый аромат дальних плаваний — всё это поднимало настроение.

В общем, стоит ли отчаиваться? Кто-то убил Кероля, по прозвищу Пополь, это непреложный факт. Но неужели он, Жан Доллан, глупее убийцы? Да разве не служила ему девизом фраза, которую он подумывал написать над изголовьем своей кровати: «Каждый убийца — глупец, ибо убийство никогда не даёт выхода из положения».

Нет, в дураках он не собирался оставаться.

— Интересно знать, этот Виктор Гюго уже бывал в Европе?

— Никогда.

— Он говорит по-французски?

— Знает с десяток слов. Пополь разговаривал с ним на языке банту.

— А многие из жителей Бордо говорят на банту?

— Да с сотню найдётся. Все они известны морским властям. Чтобы провезти негра из Экваториальной Африки, надо уплатить большой залог. Десять тысяч франков...

— Значит, Пополь уплатил десять тысяч франков, чтобы провезти негра? Полагаю, полиция не замедлит его арестовать.

Стюард доложил:

— Явился инспектор Пьер, капитан!

Вошёл инспектор. Поклонившись, он с почтением посмотрел на Жана Доллана, или Маленького доктора, как его принято было называть и о котором он, вероятно, был наслышан.

— Я пришёл сообщить вам, что мы арестовали негра. Он спрятался на борту старой баржи, стоящей на якоре близ моста... Он весь трясётся... Ищут переводчика, чтобы допросить его.

— Разрешите задать вам один вопрос, инспектор? — сказал Маленький доктор. — Револьвер...

— Что — револьвер?

— Установлено, кому он принадлежит?

— Ни один пассажир не признался, что он его владелец. Это смит-вессон. Серьёзное оружие...

— И этим оружием довольно трудно пользоваться, не правда ли?

— Громоздкое. Из него убить наповал можно за пятнадцать шагов... Вот небольшие браунинги — дело другое.

Маленький доктор осушил стакан, вытер рот и, поколебавшись, опустил руку в ящик с сигарами.

Да, пациенты в Марсийи не угощали его такими сигарами!

**ГЛАВА ВТОРАЯ,
В КОТОРОЙ КАК БУДТО УСТАНОВЛЕНО,
ЧТО НЕКТО, ПО ПРОЗВИЩУ ВИКТОР ГЮГО, ГЛУП,
О ЧЁМ ГОВОРIT ВЕСЬ ЕГО ВИД,
И В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР
ТЩЕТНО ВЕДЁТ ПОИСКИ**

И вот случаю было угодно, чтобы на сцену выступил человек, отнюдь не наделённый выдержкой. Им оказался не кто иной, как комиссар полиции Фритте — невысокий черноволосый человечек со щетинистыми усами и румянцем во всю щёку. Он устался на негра, в шутку прозванного Виктором Гюго, доставленного на пароход, бранился и бесновался, выкрикивая слова зычным голосом с акцентом, присущим жителям из пригорода Тулузы:

— В эту ночь... понимаешь, ночь... когда темно... Ночь... ты здесь... здесь ждать хозяина... саиба... хозяин саиб спускаться...

Всё происходившее поистине превращалось в настоящий фарс. Маленький доктор и инспектор Пьер старались не смотреть друг на друга, боясь расхохотаться. Капитан то и дело отворачивался.

Просторная каюта, загромождённая чемоданами Поля Кероля, была залита солнечным светом. Дверь в ванную была открыта. Комиссар вопил. Переводчик-негр вопил ещё громче... И, наконец, в глазах Виктора Гюго вдруг появилось что-то осмысленное.

Он ринулся в ванную. Все последовали за ним. Он подбежал к эмалевой вешалке, прибитой к стене около ванны, — на крюке ещё висел пёстрый мохнатый халат.

— Здесь, — произнёс он.

Ух! Наконец-то он понял. Однако комиссар продолжал допытываться, и негр утвердительно кивал головой.

Он действительно был в ванной, когда в каюту спустился хозяин. Укладывал вещи в чемоданы и пошёл за халатом и за туалетными мелочами.

— Разрешите взглянуть, — попросил Маленький доктор, встав рядом с негром.

И констатировал, что отсюда в каюту заглянуть нельзя.

— О чём он говорит? Переведи.

Дело в том, что Виктор Гюго, молчавший так долго, заговорил скороговоркой, и удержать его не было никакой возможности.

— О чём он говорит?

— Говорит, что внезапно вошёл хозяин... И так спешил, словно забыл какую-то важную вещь... Потом раздался еле слышный стук, казалось — кто-то икнул, и белый господин упал плашмя...

— Поль Кероль был поражён в спину, — заметил вполголоса инспектор, обращаясь к Маленькому доктору, — это как будто подтверждает невиновность негра.

Комиссар настаивал:

— Ну, а дальше... спроси, что он сделал, кого увидел...

— Никого он не видел... Он наклонился. На полу натекла целая лужа крови... И тут он до того испугался, что выпрыгнул в иллюминатор...

В этот миг Жан Доллан нащупал ногой какой-то твёрдый предмет — он посторонился, уступая место комиссару и окружающим. Потом наклонился, поднял небольшую трубку из закалённой стали, протянул её комиссару Фритте и негромко спросил ровным, простодушным тоном, сразу же оборвав бурную сцену, разыгравшуюся только что:

— Скажите, комиссар, ведь это так называемый глушителъ?

Да, это была тот самый глушителъ, который полицейским не часто случается видеть, ибо это изобретение американских гангстеров нелегко достать.

— Вот почему никто и не слышал выстрела.

Оба негра недоумевали, не понимая, почему ими вдруг перестали интересоваться. Дело вдруг приняло другой оборот.

Новый факт заставил Маленького доктора призадуматься.

Кто же в прошлую ночь проник в эту каюту и?..

— Хочу задать вам ещё несколько вопросов, комиссар... Меня уверяли, будто с парохода никто не сошёл на берег. Но есть ли уверенность, что никто и не поднимался на судно?

— Охранники и таможенники выполняют приказ точно.

— Вот что мне пришло в голову... Раз Виктор Гюго мог скрыться вплавь, выпрыгнув в иллюминатор, то кто-нибудь мог пробраться на судно, подплыв к нему на лодке...

— Мы стоим метров на шесть выше уровня моря... Правда, он мог захватить лестницу. Или кто-нибудь отсюда бросил ему верёвку...

Маленький доктор улыбнулся, и вспыльчивый комиссар недоумённо посмотрел на него: чему это он улыбается?

А дело было в следующем: в тот самый момент, когда Доллан отверг предположение, что убийца мог явиться извне, он догадался, что аналогичное предположение, теперь уже отвергнутое им, возникло и у его собеседника, который и ринулся по ложному следу. И этот след не мог привести его к цели! Рассуждения Маленького доктора пошли по правильному руслу, и с этой минуты он обрёл прочную основу, опираясь на простую истину: Пополь боялся не пришельца извне.

Если это не так, то почему же во время всего путешествия, даже когда они плыли в открытом море, где уж никто не мог взобраться на теплоход, он предпринимал столько предосторожностей, заставляя негра сопровождать его днём и ночью, не расставаясь с ним даже в столовой?

И почему именно в Бордо он ослабил бдительность?

— Ну так вот, я и спрашиваю себя, — произнёс Маленький доктор вполголоса, словно обращаясь к самому себе, — почему он бросил собутыльников и стремглав кинулся вниз?

Вещи Пополя всё ещё находились в каюте. Комиссар проследил за взглядом Маленького доктора.

— Этой ночью я перерыл всё, — поспешил объявить он. — Сообщаю: в кармане мёртвого нашли револьвер.

— Смит-вессон?

— Нет... Револьвер с барабаном большого калибра. А другой лежит в этом чемодане.

— А вам нигде не попадался бумажник из крокодиловой кожи? Возможно, я задам вам бесполезную работу, комиссар.

Однако, думается, неплохо было бы тщательно обыскать каюту и ванную комнату... На это время следовало бы запереть негров в другом месте...

Обыск тянулся с час, не меньше, и предупредительный капитан прислал аперитивы.

Доллан обернулся к стюарду и спросил:

— Сегодня ночью вы обслуживали этот коридор?

— Да, мосье.

— Не можете ли вы сообщить фамилии тех людей, что прибежали первыми, когда вы подняли тревогу?

— Сознаюсь, я не обратил на них внимания. Был очень взволнован. Ведь впервые пришлось увидеть такое зрелище. Помнится, судовой врач...

— А кто из пассажиров? Мосье Лардилье не был среди первых?

— Нет! Это я могу утверждать.

— Почему же?

— Потому что в этой суматохе я услышал звонок. Я даже удивился — кто может вызывать в такую минуту? Вышел в коридор. Лампочка горела над дверью каюты мосье Лардилье. Я постучал и вошёл. Он лежал в постели в прескверном настроении и спросил меня: «Что означает этот шум? Нас задержали на борту на целую ночь и вдобавок мешают спать... Передайте капитану...».

— Вы рассказали ему обо всём?

— Да... Он накинул халат и пошёл вслед за мной.

— Вы не заметили мадам Мендин?

— Нет.

— Я оказывал ей помощь, — вмешался судовой врач. — Узнав о смерти мосье Кероля, она спустилась вниз, как и все, но не дошла до его каюты и упала в обморок. Меня позвали к ней... Я велел стюардессе отвести её в каюту.

Комиссар Фритте вздохнул:

— Считаю нужным заявить без промедления, что, так рассуждая, вы ничего не добьётесь. Я допрашивал пассажиров и экипаж ещё ночью, прямо по горячим следам. И могу констатировать, что на теплоходе невозможно установить, что делает и как поступает каждый пассажир в данный момент... За

исключением четырёх игроков в бридж. Они-то безвылазно сидят за столом...

— Простите, — возразил Маленький доктор, — вы, верно, не умеете играть в бридж, комиссар. Ибо в бридже всегда есть «выходящий», а это значит, что один из игроков может отойти от стола на несколько минут, пока длится партия...

Его маленькие глазки сверкали. Забавно натолкнуть полицейского на ложный след, особенно когда видишь, с каким пылом он кидается на него.

— Вы думаете, что...

— Думаю, что, пока мы не найдём бумажник, о котором я вам говорил, мы ничего не узнаем... Думаю также, что нам не удастся найти его. Ведь мы недостаточно хорошо знаем судно. И вы, капитан, вместе с механиком должны нам помочь... Ну так вот, предположим, вы занимаете каюту с помещением для ванны и вам необходимо спрятать бумажник небольших размеров. Куда бы вы его дели?

Перебрали все варианты. Простукивали изразец за изразцом на стенах ванной комнаты. Кое-где разобрали трубы и даже четыре вентилятора.

— Разрешите заняться чемоданами, комиссар?

— Ну что же, придётся.

Разрезали их буквально на мелкие кусочки, решив удостовериться, что в них нет тайников. Исследовали каблуки башмаков, принадлежавших Пополу.

— Да нет, мосье, не может быть, чтобы... Поставим себя на место этого человека. Ему надо спрятать бумажник. Это вопрос жизни и смерти.

Доллан начинал терять уверенность: неужели провал? Он осматривался, ища вдохновения. И тут раздался голос комиссара:

— Раз это вопрос жизни или смерти, то кто вам сказал, что убийца не унёс бумажник? Кроме того, доктор, мне кажется, мы предали забвению мадемуазель Лардилль, которая находилась именно здесь со смертоносным оружием в руке, когда стюард... Наконец, я обращаю ваше внимание на то, что отпечатки её пальцев — неоспоримый факт и...

— Ясно, ясно, — буркнул Маленький доктор. — Я, пожалуй, пройдусь по городу, чтобы хорошенько всё обдумать.

Капитан догнал его в конце коридора.

— Ещё одно слово, доктор. Полагаю, что выражу волю компании... Не знаю, откроете ли вы истину, а я бы этого хотел... Но было бы желательно, чтобы вы во всех случаях внушили господину Лардилье, что действуете в пользу его дочери. Пусть он знает, что мы делаем всё возможное и невозможное, чтобы вытянуть её из этой грязной истории...

Он, без сомнения, был влюблён в Антуанетту Лардилье — недаром, уходя, он слегка покраснел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР СТАНОВИТСЯ БОЛТЛИВЫМ И, ВНЕЗАПНО ОХВАЧЕННЫЙ СКЛОННОСТЬЮ К РЕКЛАМЕ, ПОСЕЩАЕТ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТ

— Я позволил себе побеспокоить вас лишь потому, что уверен: ваша дочь не убивала Поля Кероля. Компания, желая установить истину, поручила мне провести следствие совместно с полицией... Я решил, что правильнее всего прийти к вам первому...

Маленький доктор находился в гостиной дома Лардилье на набережной Шортрон; солнце било прямо в окна, но опущенные жалюзи пропускали лишь узенькие полоски света. Перед ним сидел грузный человек с густой шевелюрой и недоверчивым, хмурым взглядом.

— Вы старый колониальный житель, если можно так выразиться...

— Мне шестьдесят два года, из них сорок я провёл в колониях. Не скрою, что я сам всего добился, с помощью трудолюбия и терпения и, конечно, с помощью упорства...

— Вы знавали человека, по прозвищу Пополь?

— С ним я не был знаком и, признаться, не имел ни малейшего желания знакомиться. Доведись вам жить в Африке,

вы бы знали, что люди, подобные ему, отъявленные негодяи, азартные игроки, которые наносят немалый ущерб делу колониализма...

— Позволю себе задать вам нескромный вопрос, мосье Лардиллье... Поймите моё желание добиться истины. Зная ваше мнение о чуде Пополе, я бы хотел уяснить, почему вы позволили своей дочери...

— Знаю, что вы скажете. У вас, доктор, без сомнения, нет детей. Моя дочь, мать которой умерла пятнадцать лет назад, провела большую часть своей жизни в колонии, где нравы свободнее, чем здесь. У меня никого нет на всём свете, кроме неё. Нечего и говорить, что она балованное дитя. Когда я рискнул сделать замечание по поводу Поля Кероля, она мне ответила просто: «Не моя вина, что на борту никого нет забавнее его». И я понял, что отговаривать её бесполезно.

— Таким образом, к сожалению, на ваших глазах за вашей дочерью начали ухаживать...

Брови дельца нахмурились.

— Чёрт возьми! Стоит девушке поиграть в мяч с мужчиной, как её непременно в чём-то заподозрят...

«Полно, полно. Зря сердисься, любезный, — подумал Жан Доллан. — На сей раз я буду учтив».

А вслух произнёс невинным тоном:

— Прошу прощения... Я просто повторил словцо, которое капитан...

И тут делец вышел из себя:

— Нечего сказать, хорош ваш капитан! Целый день не отходил от дам, а теперь позволяет себе...

— Верно, он поклонник прекрасного пола... Но я хотел бы поговорить с вами о делах поважнее. Представьте себе, я пришёл к убеждению, что Пополь прятал у себя в каюте какой-то предмет и что именно из-за этого предмета его и убили. Да, я пришёл к такому убеждению и почти уверен, что ваша дочь не причастна к преступлению... Вам ясно?

— Что вас навело на эту мысль?

— Да один пустяк... Я интуитивно в этом уверен... Так вот, послушайте...

Жан Доллан вдруг стал несносно болтлив и самоуверен. Глядя на него, трудно было поверить, что этот невзрачный развязный человек в самом деле раскрывал таинственные преступления, по общему признанию — непостижимые.

— Вы много плавали, мосье Лардилье... А я, представьте себе, впервые сегодня утром поднялся на борт настоящего теплохода. Вот почему я и задаю вам такой вопрос: если б вы захотели спрятать бумажник или просто бумагу в роскошной каюте, вроде каюты Пополя, какое место вы бы выбрали? Всё дело в этом... Когда я смогу ответить на этот вопрос, господам из полиции придётся освободить вашу дочь с нижайшими извинениями.

— Бумажник, — повторил Лардилье. — Какого вида бумажник?

— Скажем, маленький бумажник из крокодиловой кожи... Мы обыскали каюту сегодня утром... почти в полную негодность привели ванную комнату... обшарили и каюту негра...

— И ничего не нашли?

— Ничего. Но я отказываюсь верить, как и комиссар, что убийца успел прихватить с собой бумажник, о котором идёт речь, и с ним убежать... Сам факт, что ваша дочь появилась...

— Дочь утверждает, что она никого не видела.

— Знаю, знаю... читал её показания.

— Вы считаете их неискренними?

— Совершенно искренними... то есть...

— Что «то есть»?

— Да нет, ничего... Вы не ответили на мой вопрос, мосье Лардилье. Куда бы вы спрятали бумажник?

— Право, не знаю... Под ковёр?

— Смотрели...

— На шкаф...

— Искали.

— В таком случае, прошу извинить. Но мне нужно принять адвоката дочери — он ждёт меня в два часа... Подумать только, её посмели взять под стражу, как преступницу! Благодарю за визит, доктор. Всегда готов к услугам. Не угодно ли сигару?

— Благодарю.

Слишком много сигар! Слишком много виски! Он и так был возбуждён. Таким оживлённым он бывал не часто. И, явившись в редакцию газеты «Птит Жиронд», поразил редактора своим многословием.

— Я решил, что вы, конечно, не против получить кое-какие сведения о преступлении, совершённом этой ночью... Официальная полиция, вероятно, сообщила вам немного. Мне же предложила вести следствие... Представьте себе, я пришёл к убеждению, что вся драма вертится вокруг одной бумажонки... Не хотите ли записать? Так вот: Поль Кероль, по прозвищу Пополь, возвращался из Габона с капиталом в несколько миллионов, как он утверждал. Он чего-то боялся. Знал, что ему угрожает опасность. Его капитал в несколько миллионов хранился в бумажнике из крокодиловой кожи. Однажды он выронил этот бумажник в каюте судового врача и таким образом... Я говорю слишком быстро? Ну, а некое лицо на корабле покушалось на этот бумажник или, вернее, на документ, содержащийся в нём... Во время плавания это лицо его подстерегало, но Пополь был на страже, и его не могли захватить врасплох. Почему же в последнюю ночь... впрочем, поставлю вопрос иначе: почему Пополь, веселившийся в баре, вдруг стремглав бросился к себе в каюту? Не потому ли, что вдруг почувствовал, что дал маху? Если б документ был при нём, нечего было бы бояться.

Моё предположение таково: выронив бумажник в каюте доктора, Пополь понял, что опасно хранить его при себе, а тем более в полотняном костюме. Он стал искать надёжный тайник... И нашёл, так как был великим выдумщиком. Согласитесь, противник был ему под стать. Иначе тотчас же оставил бы поле битвы... Словом, тайник был так надёжен, что противнику не удалось его найти... А теперь я вновь возвращаюсь к вопросу, с которого начал: почему именно в Бордо, когда судно стояло у набережной, Пополь вдруг всполошился и бросился в каюту, где ему и суждено было погибнуть? Вот и всё... Можете напечатать в газете все эти соображения.

Десятью минутами позже Маленький доктор взбирался по лестнице редакции газеты «Франс де Бордов, соперницы «Птит Жиронд», где он разыграл ту же роль и, рассказав снова всю историю, присовокупил:

— Полагаю, что мои выводы неизбежно приведут нас к раскрытию преступления...

День был поистине великолепен! Белый красавец корабль, блестящий на солнце, мундиры, любезные офицеры... Доллан был окрылён. Никогда в жизни он не чувствовал такого подъёма. Ему казалось, будто он жонглёр, играющий человеческими судьбами.

— В полицию! — крикнул он шофёру такси, ибо свой «ферблантин» оставил на набережной.

— Разрешите войти, комиссар... Так вот... Хочу попросить вас о небольшом одолжении. Прежде всего прикажите незаметно посторожить каюту Пополя, а также его слугу...

— Это уже сделано.

— Почему?

— Потому что таково правило...

И Маленький доктор усмехнулся. У него было полное основание просить, чтобы за этими каютами хорошенько следили.

— Наблюдать за ними будут всю ночь? Очень хорошо... Вторая просьба, так сказать, более деликатная... Полагаю, негр взят под стражу?

— Он в тюрьме. Так у нас положено. И пока не будет доказательств...

— А мне бы хотелось, чтобы вы его выпустили. Давайте договоримся. Я не прошу вас отпустить его на все четыре стороны. Вы его выпустите, а одному-двум сыщикам — из лучших — прикажете следить за ним... Думаю, негр не сумеет скрыться от них...

— Вы полагаете, он наведёт нас на след?

На лице комиссара Фритте всегда появлялась хитрая усмешка, когда он воображал, будто проник в намерения своего собеседника. И вечно попадал впросак.

— От вас ничего не утаишь, — вздохнул Доллан без всякой иронии.

— Право, всё это бесполезно... Негр слишком глуп, вряд ли его взяли в сообщники... Впрочем, компания так усиленно рекомендовала во всём идти вам навстречу... Что ещё вам угодно?

— Пока вы будете давать распоряжения насчёт негра, я бы хотел воспользоваться вашим телефоном.

Он вызвал редактора газеты «Птит Жиронд», затем — «Франс де Бордо»:

— Вёрстка уже готова? Газета выходит через час? Не хотите ли прибавить к статье несколько строчек? Уверяю вас, это сенсация: негр, которого Пополь привёз с собой как телохранителя и нарёк Виктором Гюго, будет выпущен примерно через час... Вы считаете, что это не так уж важно? Поверьте: это всего важнее. Особенно если вы добавите, что он не говорит по-французски и, конечно, отправится на поиски переводчика, с которым толковал утром... Так, значит, будет напечатано? Благодарю.

И Маленький доктор вытащил из кармана великолепную сигару, ибо был так предусмотрителен, что взял несколько штук из запаса компании.

**ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,
В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ,
КАК ЧЕЛОВЕК, УЖЕ ОДИН РАЗ СТАВИВШИЙ
НА КОН СВОЮ ЖИЗНЬ И ВЫИГРАВШИЙ,
ВЫНУЖДЕН В СВЯЗИ С ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ
СНОВА НАЧАТЬ ИГРУ И ПРОИГРАТЬ**

«Забавная у них работа! — думал он добродушно. — И ведь есть люди, которые зарабатывают себе на жизнь, занимаясь этим с утра до вечера».

Он подразумевал то, что называется наблюдением, или — на профессиональном жаргоне — слежкой. Вот уже добрых три часа он шёл по пятам за Виктором Гюго, стараясь не обнаружить себя, иногда переглядываясь с двумя агентами, которым было поручено следить за негром.

Несчастный негр! Большой город ослепил его, как яркое августовское солнце ослепляет сову. И не раз казалось, что его вот-вот подомнёт трамвай, собьют такси и автобусы. И вся его фигура в старом костюме, подаренном ему Поподем и совсем потерявшем вид от пребывания в водах Жиронды, была до того нелепа, что прохожие оглядывались.

Должно быть, у него не было ни сантима за душой. Никто не подумал дать ему денег. Он плутал, петлял и смотрел во-круг, вытаращив глаза, а когда приходилось переходить через улицу, бросался вперёд как безумный, так что легко было сбиться со следа.

К счастью, он издали заметил пароходные трубы, торчавшие над макушками деревьев.

Трубы были ему хорошо знакомы. И, как предвидел Доллан, он пошёл именно в ту сторону.

Несколько негров прохаживались по набережной, но то были негры арабского происхождения, негры цивилизованные, и бедняга не осмеливался заговорить с ними.

Он шёл всё дальше и дальше вдоль набережной. Доктор не сомневался, что он дойдёт до того угла, где напротив последних доков ютятся жалкие хибары, заселённые грузчиками-неграми и всякими бродягами — искателями удачи, случайно вывезенными из Африки.

Обе газеты вышли уже с час назад. Маленькому доктору повезло — иначе пришлось бы посетить не только Лардилье, но разыскивать каждого пассажира «Мартиника» и всякий раз начинать сызнова длинный рассказ, разглагольствовать о неуловимом тайнике и всем прочем. А теперь благодаря газетам все пассажиры уже знали, что он думает о преступлении. И один из них непременно...

— Если это мосье Мендин, успеет ли он добраться сюда из Аркашона?.. А если мадам Мендин?.. Может быть, это сам капитан... А может быть?..

Маленький доктор был настоящим актёром — он играл роль перед самим собою. И напрасно... Ведь он прекрасно знал, кто должен явиться. Вернее, знал, что явится один из двоих. Напал на след, когда ему сообщили, что Антуанетта

Лардилье отказалась отвечать — а ведь она не могла не встретить убийцу, — отказалась назвать его имя и предпочла тюремное заключение.

Кого же девушка хотела спасти? Скорее всего, отца... Но может быть, будущего жениха... иначе говоря, капитана «Мартиника»?

Оставалось одно: ждать... Тут неподалёку от Маленького доктора, который едва успел скрыться, произошла забавная сценка. Беглец увидел переводчика, с которым толковал утром, — тот сидел на веранде маленького бистро. Негр уставился на него, застыв на краю тротуара. Переводчик знаками подозвал его.

О чём они могли говорить? Угадать можно было лишь по их жестам, по мимике.

«Они тебя освободили?» — спросил переводчик.

«Не знаю... Сказали: "Убирайся"».

«Присаживайся... Деньги-то у тебя хоть есть?»

Денег у него не было...

«Ты позволил белому завезти тебя во Францию, не потребовав денег? Как же теперь быть?..»

Обо всём этом Маленький доктор только догадывался, тем более что уже смеркалось и издали он не мог разглядеть выражение лиц у собеседников.

И вдруг он вздрогнул. Он заметил на другой стороне улицы капитана «Мартиника», который переоделся в сине-зелёный мундир. Держался он непринуждённо и, покуривая сигарету, поглядывал в сторону бистро.

Доктор юркнул в автомобиль, стоявший рядом, и укрылся от любопытных взоров.

Оба негра теперь сидели рядом за круглым столиком и, очевидно, о чём-то спорили, так как жестикулировали ещё яростнее.

А сыщики, стоя на набережной, тем временем любовались афишей, объявляющей об открытии международной ярмарки.

— Подойдёт... не подойдёт... подойдёт... нет... Игра в кошки-мышки. Конечно, логически рассуждая, удастся... Подойдёт!..

Так и есть. Капитан явно собирался перейти улицу и подойти к неграм.

Но вдруг он раздумал... И Маленький доктор, посмотрев на веранду, заметил невысокого приземистого человека, входившего в бистро.

То был Эрик Лардилье. Хозяин бистро, очевидно по его приказу, сразу же отправился за обоими неграми, ибо Лардилье безусловно решил избежать объяснений на веранде.

— Ну как, капитан?

Он с изумлением посмотрел на Маленького доктора. И сразу оживился:

— Вы об этом думали?

— О чём?

— О тайнике! Из-за вашей настойчивости я потерял покой и весь день повторяю: «Если б мне надо было спрятать документ, куда бы я его дел...». Наконец мне пришла в голову одна мысль. Пришла только что, когда я читал газету...

— В которой сообщалось, что негр освобождён?

— Да... Так вот, если б мне надо было спрятать документ, а меня сопровождал негр, я бы...

И тут Жан Доллан, бросив его на середине улицы, ринулся в бистро, знаком приказав сыщикам следовать за ним.

За столом при свете тусклой лампы сидел в компании двух негров господин Лардилье и пытался что-то им втолковать. Он хотел было вскочить, увидя, что дверь открылась. Слишком поздно!

— Добрый вечер, мосье Лардилье... Установлено, что кое у кого из нас возникла одна и та же мысль.

— Но... я...

— Войдите, господа. Вы узнаете мосье Лардилье, не так ли? У него возникла гениальная мысль... Он хочет спасти свою дочь, и это понятно... Он думал...

Вошёл и капитан. Хозяин недоумевал, не понимая, что произошло. Оба негра собрались улизнуть, но Маленький доктор громко окликнул переводчика.

— Спроси-ка, куда его хозяин спрятал бумагу...

Переводчику будто зажали рот, он не находил слов, а негр всё порывался сбежать.

— Обыщите его... карманы не обыскивайте — не стоит трудиться... проверили при аресте... Прощупайте подкладку пиджака, прокладку на плечах, отвороты брюк...

Он схватил Лардилье за руку.

— Я так и думал, что вы наведёте меня на правильную мысль. Поскольку на борту парохода был явно спрятан документ и... Ну как? — спросил он сыщиков.

Пиджак, разодранный по швам, уже валялся на стуле.

— Снимите с него брюки...

Стесняться было нечего: в бистро собрались одни мужчины. И неожиданно оказалось, что негр носит кальсоны.

— Ничего?

— Подождите-ка. Да тут бумага...

— Внимание... Один из вас пусть встанет у дверей. Дайте-ка бумагу...

Он сам чуть не убежал от страха — боялся, что его ждёт жестокое разочарование.

— Здесь есть телефон? Нет? Тогда лучше прочитать этот документ вслух: если он будет уничтожен, останутся свидетели... Подойдите, хозяин.

Чернила были размыты, бумага ещё не просохла после ночного купанья негра.

Тому, кто найдёт это письмо...

Немедленно доставьте его властям, но не здесь, в Габоне, а во Франции...

Это последняя воля умирающего. Через час, а может быть и скорее, я буду мёртв...

Я один с четырьмя бестолковыми неграми в хижине в глубине леса, в пятистах километрах от населённого пункта...

Никто не может меня спасти... У меня нет лекарства... Итак, конец...

Фамилия моя Бонтан... Роже Бонтан, я компаньон Эрика Лардилье. Когда он прибыл во Францию, он вынудил меня поместить все деньги в дело, которое затеял в Габоне.

Меня бьёт озноб... Нужно торопиться и сказать главное.

Мы оба заработали много денег: он — в Африке, я — во Франции, где я был управляющим...

Зачем я послушался его, когда он попросил меня приехать и дать отчёт о положении дел в наших конторах? И особенно когда он предложил мне побывать на лесоразработках?..

Поездка была рассчитана на сорок дней... Сейчас прошло две недели. Он снабдил меня облатками хины. Первая, что я принял, не содержала хины. Это был стрихнин.

Я проверил остальные... Ещё шесть содержали яд.

Во всяком случае, я приговорён. Потому что Лардилье пожелал стать владельцем дела, которое...

Холодно... обливаюсь холодным потом... Осудите его — вот мол последняя воля...

— Капитан, будьте любезны сходить за автомобилем. Я не доверяю этому господину.

— Не угодно ли кусочек льда?

— Благодарю. Нет, виски тоже не надо... Признаюсь, капитан, ведь я вообще не пью... Пью, только когда веду дознание, потому что тогда испытываешь необходимость подкрепиться. Полагаю, вы не нуждаетесь в объяснениях? На этот раз наш приятель Пополь мог не утруждать себя нечего было заготавливать красное и чёрное дерево, чтобы разбогатеть... Письмо, найденное в хижине, затерянной в чаще леса, его бы обогатило. Он понял, что стал обладателем целого состояния и что бумажонка стоит всех ценных бумаг, которые пускает в обращение французский банк.

— Грубо говоря, шантаж...

— Шантаж и опасность, ибо человек, убивший другого человека из-за денег, колебаться не станет... Ну, а так сказать, тайник — это негр! Вот почему Пополь с ним и не расставался. Вот почему, увидя, что негра нет в баре, он вне себя поспешил вниз... И получил пулю в спину... Бедный банту не видел убийцу... И убежал через иллюминатор, обезумев от ужаса... Ну, а Антуанетта, подозревавшая своего отца...

— Вы думаете, она была его соучастницей?

— Очевидно, она не знала, что он задумал. Но отец уговаривал её быть полюбезней с Керолем. Это было для него средством узнать...

— Признаюсь, я верю в её порядочность...

— Я тоже... Вот почему, заметив, что Пополь так встревожен, она пошла за ним... Должно быть, она увидела отца... не могла его не увидеть... Он держал револьвер в перчатках... А она, ещё не заметив трупа, вырвала оружие из рук отца...

Чем же Лардилье рисковал, оставляя её на подозрении? Её не могли осудить, основываясь на одних догадках... В худшем случае убийство сошло бы за убийство из ревности, а Пополя выставили бы гнусным обольстителем... Лардилье тем временем нашёл бы способ овладеть пресловутым письмом... Вот почему я ему столько наговорил о бумажнике из крокодиловой кожи... Но я не был уверен, что он убийца. Поэтому так много наболтал и представителям прессы. Тот, кто убил Пополя, чтобы завладеть документом, должен был непременно вернуться в каюту или разыскать негра, чтобы...

— Не желаете ли сигару?

— Благодарю, с утра я выкурил столько сигар, что они мне опротивели. Что касается расследования...

— Вы его вели мастерски и...

— Простите. Я добился результатов, противоположных тем, каких добивались вы: я не пощадил мосье Лардилье, видного клиента компании. Вот так-то!

— Компания просила вручить вам...

— Что?

— Право же, мы столько говорили о бумажнике из крокодиловой кожи... Вот мы его и выбрали...

Капитан «Мартиника» умолчал, что в бумажнике было несколько ассигнаций французского банка — ассигнаций, которые люди вроде Пополя называют «крупными купюрами».

Le passager et son nègre, 1938

Перевод: А. Худадова

Иллюстрация: П. Пинкисевич

РАССЛЕДОВАНИЕ № 13

ЛЮБИТЕЛЬ ТАПОЧЕК

**ГЛАВА ПЕРВАЯ,
В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ГОСПОДИНЕ,
ОДЕРЖИМОМ МАНИЕЙ К ПОКУПКЕ ТАПОЧЕК,
И О ДРУГОМ,
ИНТЕРЕСУЮЩЕМСЯ ОТДЕЛОМ ИГРУШЕК**

Он приходил в четверть шестого, пухлый, с вечно потным лбом, и утирался цветным носовым платком, пока обходил отдел в первый раз.

Происходило это в одном из универмагов рядом с Оперой. В сей час людской поток заполонил тротуары, а машины на улице перемещались рывками, по десять штук в ряд.

В универмаге лифты работали без передышки, каждый сутился, толкал соседей, требовал, чтобы его успели обслужить до закрытия.

Только этот спокойный человек, похожий на скромного пенсионера, не разделял общей лихорадки и, казалось, не обращал внимания, что заведение закрывается ровно в шесть тридцать.

Отдел с тапочками находился недалеко от входа «С». Он уселся, и Габи, продавщица, смиренно вздохнула.

— Что желаете сегодня? — спросила она, пытаясь сохранить хотя бы видимость вежливости.

Время немного попудрить носик, а не примерять тапочки маньяку.

— Я бы хотел мягкий верх, в гавайских тонах.

— Примерно как вчера?

— Нет. У вчерашних слишком толстая подошва.

Это длилось уже целую неделю, и каждый день всё случалось одинаково. Клиент ласково смотрел на Габи, словно застенчивый влюблённый. Он снимал левый ботинок, пока она приносила коробки.

— Как вам эти?

— Немного похожи. У вас не будет модели потемнее?

Габи знала (и её подруги тоже) что так будет продолжаться до последней минуты. Он примерял десять, двадцать

пар тапочек, прежде чем выбрать одну, и когда наконец раздавался звонок к закрытию, направлялся к кассе с пакетом под мышкой.

Габи пыталась как-то поторопить его. Она подговорила свою подругу Антуанетту из кожаного отдела прийти и сказать ей вслух в присутствии покупателя в тапочках:

— А вот и твой жених пришёл.

Подруга ещё и добавила:

— Он всегда такой ревнивый?

Мужчина не дрогнул. Воплощение безмятежности, терпения, кротости.

Другая уловка, более жёсткая, также не дала результата: Габи решительно примерила ему на босу ногу слишком маленькие тапочки, но тот лишь поморщился.

Будет ли это продолжаться неделями, месяцами, кто знает? В течение многих лет приходиться и покупать пару тапочек каждый день, неизменно за несколько минут до закрытия?

У Габи на глазах показались слёзы. Она взглянула на место, где обычно располагался любитель тапочек, и объяснила Маленькому доктору:

— Это было позавчера. Я уже не знала, какие тапочки ему предложить. У меня была сварливая клиентка, ждавшая с маленьким мальчиком. Я наклонилась, чтобы достать коробки из-под прилавка. Не поднимая головы, я ухватила клиента за ногу. В другой руке у меня была синяя тапочка. Не знаю, почему у меня возникло странное ощущение. Подняла голову... Подумала, что он заснул, потому что он положил подбородок мне на грудь. Я немного встряхнула его и чуть хлопнула по спине. Он был безвольный, весь мягкий, как мешок с песком. Я вскрикнула. Люди отшатнулись. Контролёр сказал: «Воздуха! Воздуха! Воздуха! Это, несомненно, сердечный приступ». Знаете, такое иногда случается. Но не в этот раз! Когда контролёр снял галстук и расстегнул воротник, мы увидели кровь на рубашке и обнаружили, что он ранен в грудь. Здесь, да! Прямо в магазине! Посреди толпы! И никто ничего не слышал! Он был уже мёртв, когда я пыталась надеть ему тапочку!

Это так ужасно, что я попросила перевести меня в другой отдел. Каждый раз, как я вижу этот стул...

Когда Маленький доктор прибыл в Париж тем же утром, комиссар Лукас уже завершил предварительное расследование. Он провёл Доллана на второй этаж магазина и остановился у отдела игрушек.

Этот отдел находился на самом краю балюстрады, нависая над первым этажом, в том числе над отделом тапочек.

— Стреляли именно отсюда. Видите стул, где сидела жертва? Убийца находился на этом месте. Я опросил продавцов. Они вспомнили одного молодого человека, довольно долго бродившего по отделу. Один из продавцов спросил, не желает ли тот чего-нибудь, и тот ответил: «Я жду свою жену». Было около шести с четвертью. Незнакомец, казалось, заинтересовался ассортиментом. Он крутил в руках игрушечные пистолеты от «Еигкка».

Теперь вы понимаете, как всё было задумано? У него в кармане, или в пакете, или даже в салфетке был целевой пистолет, пневматический или с глушителем. Чтобы убить кого-то на таком расстоянии, обычного пистолета, даже крупного калибра, недостаточно. Винтовка слишком громоздка. Но есть целевые пистолеты, убивающие человека на расстоянии пятидесяти метров и более.

Убийца рассматривает детские игрушки. Вполне естественно в этом отделе. Он выглядит увлечённым, и никого не удивляет. Звонok, объявляющий о закрытии, очень громкий... В этот момент в магазине ужасно шумно. Никто не слышит выстрела пневматического пистолета или пистолета с глушителем.

Руководство в шоке. Оно хочет, чтобы было сделано всё возможное и невозможное, дабы найти виновного. Вот почему оно запросило у нас, знаем ли мы частного детектива, способного вести расследование параллельно с полицейским следствием. Я дал ваш адрес. Как видите, доктор, я не завидую вашим лаврам. Удачи!

Директор был молод. Он нервно расхаживал по кабинету, иногда бросая не слишком уверенный взгляд на Жана Доллана, чья внешность была довольно простоватой. Почему бы Маленькому доктору, чисто для уверенности, не придать себе какую-нибудь оригинальность: завести тик, обрести манию, носить монокль или курить необычные сигареты? А то при своих тридцати годах, маленьком росте и всегда немного тесноватой одежде он выглядит типичным студентом.

— Послушайте меня внимательно. Полиция, похоже, верит в преступление, совершённое профессионалом. Я согласен. Однако я не понимаю, зачем профессионалу убивать этого бедного любителя тапочек?

Видите ли, я больше всего боюсь сумасшедшего преступника. Вы, несомненно, знаете, что универмаги, редакции газет и общественные здания способны привлекать внимание чокнутых. И если это действительно так, если из отдела игрушек стрелял псих, то почти наверняка он захочет сделать это снова. Сумасшедшие всегда повторяются.

Однако, несмотря на все наши меры предосторожности, нам трудно предотвратить подобное преступление. Газеты, в погоне за сенсацией, уже нанесли нам ущерб. Вчера в отделе тапочек и в соседних было почти нулевое количество продаж, и только шастали любопытные, не подходя слишком близко.

Опросите людей сами. Я не знаком с вашими методами. Говорят, что у вас их нет. Вот карточка, что позволит вам свободно ходить по магазину и беседовать с сотрудниками.

Мне осталось познакомить вас с мадемуазель Аликс из ювелирного магазина. Вчера вечером она сделала мне заявление, вам стоит его услышать. Я с подозрением отношусь к показаниям женщин. Я знаю, с какой лёгкостью они дают волю воображению.

Он нажал кнопку вызова.

— Впустите мадемуазель Аликс.

Вошла высокая бледная девушка, из тех, у кого, как говорил директор, воображение легко включается, кто читает любовные романы и увлекается кинозвёздами.

— Пожалуйста, повторите всё это господину.

Аликс явно волновалась и потому говорила с чрезвычайной быстротой.

— Так это. Я прочитала в газетах. Потому что в тот день у меня выходной был. Вчера я увидела фотографию бедняги в газете и сразу узнал его... До того, как заявился к Габи, я... он... он ко мне...

— Что вы хотите сказать? Он что-нибудь говорил вам?

— Не. Но в течение нескольких дней, я постараюсь припомнить, сколько точно дней, он приходил в мой отдел.

— В шесть с четвертью?

— От пяти до шести часов... Часто бывает так, что к нам приходят такие клиенты, мы сразу их замечаем, потому как они покупают какую-то мелочь. Понимаете? Он пришёл с цепочкой для часов. Хотел купить карабин. Я предложила ему с десяток, и в итоге он купил один. На следующий день вернулся. Защёлки карабина на цепочке не было. Он сказал, что та сломалась, и я ему не поверила, потому как фирма солидная. Он долго спорил. И торговался. В итоге купил снова.

— И вернулся на следующий день? Всегда в одно и то же время?

— Да... В течение пятнадцати дней он приходил каждый день после полудня и каждый раз покупал карабин.

— Скажите, мадемуазель Аликс, вам не приходило в голову, что это просто воришка, их, говорят, много?

— Я думала об этом. Я тоже слышала о подобных грабителях. Я даже попросил контролёра не терять его из виду, пока я буду обслуживать.

— И?

— Нет-нет! Ничего подобного.

— Скажите мне ещё раз, где находится ваш отдел.

— Да, конечно! Да. На втором этаже. Над отделом тапочек. И рядом с отделом детских игрушек. Это меня и поразило вчера, когда я прочла газету. Я попросила, чтобы директор меня выслушал.

Несколько мгновений спустя, когда мадемуазель Аликс вышла, директор заявил Маленькому доктору:

— Я сомневаюсь, как уже говорил. Тем не менее, я сообщил в полицию и попросил навести справки об этой продавщице. Действительно, в течение нескольких недель из её отдела пропадали ценные вещи.

— Это ненормально?

— Процент потерь более-менее постоянен, за исключением праздников, когда воришек явно больше. Но стоимость и количество предметов, украденных в последнее время из ювелирного отдела, слишком высоки.

Было немного страшно, выйдя из кабинета директора наверху, смотреть на этот огромный корабль, превосходивший размерами любой собор, откуда доносился непрерывный гул толпы. Куда направиться Маленькому доктору?

Он пожал плечами, добрался до лифта, вскоре оказался на Шоссе-д'Антан и аккуратнo, как другие глотают таблетку аспирина, опорожнил два бокала вина.

Затем он направился на улицу Нотр-Дам-де-Лоретт и стал искать дом 67. Он собирался постучать в комнату консьержки, когда через окно увидел комиссара Лукаса, занятого допросом женщины.

Потому как убитый был опознан. Его звали Жюстен Гальме, сорока восьми лет от роду, безработный, вот уже двадцать лет проживающий на улице Нотр-Дам-де-Лоретт.

ГЛАВА ВТОРАЯ, В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О НЕОБЫЧНЫХ ПОКУПКАХ ЛЮБИТЕЛЯ ТАПОЧЕК И О ЕГО НЕ МЕНЕЕ НЕОБЫЧНОМ ПРОШЛОМ

— Хотите сами допросить её? — предложил Лукас, открывая дверь. — В противном случае можете сопровождать меня наверх, в квартиру Гальме. Традиционный дом мелкой парижской буржуазии, точнее, мелкой буржуазии Монмартра. Здание было старым, с тёмными красками, с запахами кухни, просачивающимися из-под каждой двери, голосами, детскими криками, звуками радио.

На четвёртом этаже — выходящая во двор трёхкомнатная квартира, обставленная старой добротной провинциальной мебелью, а перед окном, снабжённом двумя горшками герани по бокам, — канарейка в клетке.

— Никто не придёт и нас не побеспокоит, — объявил Лукас. — Консьержка показала, что к Жюстену Гальме никто не приходил. Он был закоренелым холостяком и в то же время самым порядочным из мужчин. Раз в неделю консьержка приходила убраться, «тщательно», как она говорит, но я думаю, что она несколько преувеличивает. В другие дни Жюстен Гальме сам заправлял постель, готовил завтрак и обед, выходил около двух часов дня и возвращался около девяти, почти всегда нагруженный пакетами. Ужинал он в ресторане на углу улицы Лепик, я уже им звонил. Его там привечали. Для него бронировали столик у окна. Гурман. Любил заказывать маленькие, но изысканные блюда. Ел медленно, читая вечерние газеты, выпивал кофе, бокал вина и спокойно возвращался домой.

— А теперь ещё одна, весьма удивительная новость. — Лукас не торопился, наблюдая за реакцией Маленького доктора. — Я нашёл в наших архивах имя Жюстена Гальме. Не преступника, нет, полицейского. Прошло двадцать пять лет с тех пор, как он поступил на службу. Он проработал инспектором четыре года. Затем подал в отставку, заявив, что получил небольшое наследство и теперь будет жить на ренту. Я спросил наших, кто его помнил. Он уже тогда был замкнутым, одиноким. Работой не горел, зато мог часами потягивать коктейли в одиночестве на солнечной террасе, и уже в то время баловал себя малогабаритными деликатесами. Как видите, закоренелый холостяк. Хотите осмотреть квартиру сейчас?

Сказать, что в квартире было чисто, было бы преувеличением. Но, учитывая, что жилец почти всё делал сам, можно было ожидать большего беспорядка. Жан Доллан начал с того, что накормил и напоил канарейку, разглядывая в открытое окно знакомый пейзаж парижских крыш, позолоченных солнцем.

Тем временем Лукас открыл обширный антикварный гардероб и позвал своего спутника.

— Вот, глядите! Все его приобретения, даже не распакованные. Не хотите ли помочь разрезать верёвки?

Весьма экстравагантный набор! Были найдены не только шесть пар тапочек, но и более неожиданные предметы: фаянсовые тарелки, чехлы из искусственного шёлка, зубные щётки, расчёски, флаконы с лосьоном для волос; один пакет был полон трубок, хотя консержка утверждала, что жилец совершенно не курящий.

На большинстве вещей сохранились этикетки.

— Что скажете, доктор?

— Не похоже на мелкого воришку. Во-первых, нет ничего достаточно ценного, чтобы идти на кражу. Во-вторых, все вещи аккуратно завернуты в бумагу своих отделов, а у некоторых всё ещё есть контрольный листок, нанизанный на бечёвку.

— Значит, вы полагаете, что наш Жюстен был маньяком, одержимым продавщицами, и чтобы приблизиться к ним, совершал покупки? Имейте в виду, что в конечном итоге это довольно затратно. Одни только тапочки обходятся в среднем в пятьдесят-шестьдесят франков. Однако наш человек далёк от роскошного образа жизни. Хотите, скажу вам, что я думаю?

Прежде всего, не надувайте щёки. Я ваши методы знаю. Знаю, что вы можете сделать лучше, чем мы, и что мы можем сделать лучше, чем вы. Ну что ж! Значит, нам есть что предложить друг другу.

Итак, тут мы вышли за пределы обыденности. Жюстен Гальме никоим образом не соответствует жертвам, с коими мы привыкли иметь дело. Что касается убийцы, то он пугает меня спокойной дерзостью и демонстративной уверенностью.

Вместо благодарности за комплимент Маленький доктор вздохнул.

— Вы, видимо, не в восторге?

Доктор был мрачен:

— Никогда, пока я не разрешу первую загадку... Впрочем, тут есть что искать.

— Если я могу вам помочь...

— Я хотел бы, чтобы вы проверили, не возвращался ли Жюстен Гальме в отделы, где купил всё это, по несколько дней подряд, и всегда ли обращался к одной и той же продавщице.

Хорошо, что он был нечувствителен к насмешкам. Его не волновало, что продавщицы соседних отделов, без сомнения, встревоженные, забывали о своих собственных покупателях и смотрели на него издали, подталкивая друг друга локтями, причём некоторые с трудом сдерживались, чтобы не захихикать.

В общем, он очень хорошо позавтракал, а затем, после кофе, угостился несколькими аперитивами, в ожидании следующей трапезы.

И что ему оставалось делать? Человек умер, но никто ничего о нём не знал. Невозможно найти человека более скучного и таинственного одновременно, чем Жюстен Гальме.

Ни друзей! Ни любовниц! Казалось, он жил в абсолютном олимпийском спокойствии! И всё же кто-то убил его. Значит, кто-то был заинтересован в его смерти!

Есть единственное, на что стоит опереться, размышлял Маленький доктор. Каждый день в разных отделах, Жюстен Гальме в одно и то же время покупал у одной и той же продавщицы какой-нибудь ненужный товар, позже засовывая его в огромный гардероб в своей квартире.

Шесть с четвертью. И Доллан расположился на привычном стуле мертвеца. Снял левый ботинок. Он посоветовал всем растерявшейся Габи:

— Ведите себя точно так же, как с тем клиентом.

— Примерить вам тапочки?

— Примерьте. В том же темпе, как и ему.

Она слабо улыбнулась:

— И сделать вам больно?

Посмотрим. Что он видит с этого места? Подняв взгляд, он разглядел часть прилавка ювелирного магазина на втором этаже. И Аликс, узнавшая его, время от времени подходила и смотрела на него через перила.

Чуть дальше — игрушки и, среди них, прекрасный набор из двух пистолетов. Не опасных, ибо стреляли только присосками.

Выше виднелись лишь позолоченные перила других этажей.

— Ого! Музыка заиграла... — заметил Маленький доктор, скорчив гримасу, ибо примеряемая тапочка была слишком мала. — Скажите, музыка играет всегда?

— И не спрашивайте! К этому трудно привыкнуть. Музыка играет с утра до вечера. Ладно, если это спокойная мелодия! Но в этот час, чтобы подгонять клиентов, играют сплошные марши. Мне продолжать?

Первый этаж. Распродажные стеллажи. Он узнал, что товары меняются каждую неделю. Это называлось «акция недели».

Слева — касса с номером «89».

А сразу за ней — золочёная дверь и людный тротуар.

Он хотел спросить:

— Почему в этом месте больше людей, чем...

Но тут же обнаружил ответ, различив вход на станцию метро.

— Я уже примерила вам шесть пар.

— А как было с ним?

— Иногда семь. Один раз девять.

— От чего это зависело?

— Не знаю.

Но это не зависело от тапочек, ибо Жюстен Гальме их не носил, даже не распаковывал!

Эта мысль заставила его улыбнуться. Он опустил взгляд. Неужели? Ну уж нет! За это человека не убивают! И вряд ли жертва рассказывала об этом. Или вот, наклонившись примерить тапочки, Габи невольно немного раздвинула вырез своего лифа, что позволило увидеть верх её груди.

Но до тапочек Жюстен зашёл в ювелирный магазин, и Аликс там точно не наклонялась. Да и вещи из других отделов...

— Вам надо определиться... — вдруг выпалила продавщица. — Звонок.

И действительно, мощный колокол наполнял огромный неф властными вибрациями. Люди бросились к выходам, кассиры и продавщицы суетились, контролёры в белых халатах, подобно овчаркам, теснили толпу, повторяя:

— Дамы и господа, поторопитесь! Мы закрываемся!

На кассе «89» пробивали последние покупки. Кассирша на мгновение открыла большой жёлтый конверт, чтобы положить несколько купюр.

— Вы берёте эти?

— Эти или другие...

Он хотел довести эксперимент до конца, поставить себя на место жертвы.

Мучительный вопрос. И Жюстен Гальме на него уже не ответит. На что он смотрел в предыдущие дни?

Ему недели левый ботинок. Габи сказала ему:

— Прошу сюда.

Он собирался спросить, почему она ведёт его в сторону от выхода, но тут же понял. Кассирша выходила из кассы «89» с жёлтым конвертом в руке. На кассе висела табличка «закрыто».

— Сюда. Осталась только главная касса.

Маленький доктор внимательно разглядывал происходящее, с трудом пробираясь сквозь толпу за продавщицей.

— Тридцать восемь девяносто.

Он обернулся назад. Он попытался увидеть ещё раз. Ему показалось, что, направляясь к лифту, он узнал кассиршу из «89», всё ещё несущую жёлтый конверт.

В руку доктору сунули небольшой свёрток. Габи смотрела на него, словно вопрошая, не обнаружил ли он чего-нибудь. Он пожал плечами, разыскивая мелочь по карманам.

— Вы вернётесь завтра? — нервно спросила Габи.

— Может быть... Да.

На улице стало неловко за тапочки, он отвернулся от толпы, наклонился и выбросил пакет за край тротуара.

— Алло! Алло! Это вы, доктор? Это Лукас. Мы нашли банковский счёт нашего человека. В местном филиале Лионского кредитного банка. В общем, он вносил туда около пяти-сот франков в неделю. Изредка — несколько тысяч франков. Раз десять за двадцать лет. Алло! Вы на связи?

— Продолжайте.

— За последние три месяца взносы увеличились. Двадцать тысяч франков на прошлой неделе. Двенадцать тысяч на

предыдущей. Семь или восемь тысяч неделей раньше, у меня нет точной цифры под руками. В предыдущие месяцы от четырёх до пяти тысяч в неделю.

— Однако! Мне кажется, заработок неплохой?

— И чертовски неравномерный. За двадцать лет едва набралось двести тысяч франков. С учётом расходов. С другой стороны, почти сто пятьдесят тысяч франков за три месяца. Но и это ещё не всё. В уголовный розыск только что явился один мсье, риелтор. Около десяти дней его офис в предместье Сен-Мартен посетил Жюстен Гальме, спросивший, есть ли на продажу небольшой дом в сельской местности, на берегу Луары, если возможно. Они присмотрели милый домик в двести тысяч франков в окрестностях Клери. Документы собирались подписаны на следующей неделе.

— Жюстен Гальме побывал там?

— Да. В прошлый вторник. Приехал на такси. Обратите внимание — это довольно накладно. Его сопровождала очень молодая женщина. Она осматривала домик, будто собиралась там жить.

— Приберегли сюрприз напоследок?

— Как вы догадались?

— Неважно. Продолжайте. Габи?

— Промах! Всё куда интересней. Я решил проверить. Пока вы метались с пакетом, я ждал на служебном выходе вместе с риелтором. Он не колебался, тем более что уже издалека узнал пальто горчичного цвета.

— Я слушаю!

— Мадемуазель Аликс. Из ювелирного. Послушайте, доктор. Я не хочу вас разочаровывать. Но я начинаю думать, что вопреки сказанному утром, это дело скорее для нас, чем для вас. Из-за Аликс. Понимаете? Вот увидите, мы столкнёмся с полицейским, решившим стать грабителем. Алло! Почему молчите? Вы расстроились?

— Я?

— Скажите что-нибудь, чёрт возьми! Я всё ещё в офисе. Не хотите ли пропустить стаканчик на сон грядущий?

— Нет!

— Злитесь?

— Нет!

Лукас не знал, что ещё сказать, но боялся, что расстроил Маленького доктора.

— Да ладно вам! Наверстаете в другой раз. Хотите развлечься? Я вызвал Аликс на завтра в девять. Ещё не знаю, стоит ли на неё поднажать, но я думаю, что будет интересно.

— Всего доброго.

— Вы придёте?

— Возможно! Доброй ночи. Я хочу спать.

И это было правдой, потому как всякий раз, углубляясь в расследование, Маленький доктор выпивал лишнего.

**ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
В КОТОРОЙ ИСТОРИЯ МАДЕМУАЗЕЛЬ АЛИКС
И ЕЁ МЛАДШИХ БРАТЬЕВ
ОКАЗЫВАЕТСЯ НАСТОЛЬКО ТРОГАТЕЛЬНОЙ,
ЧТО КОМИССАРУ ЛУКАСУ
ПРИХОДИТСЯ ПРОЧИСТИТЬ НОС**

По чистой случайности Маленький доктор оказался в вагоне метро, где уже находилась мадемуазель Аликс. То было время открытия магазинов и банков. Вагон был переполнен, и девушка не увидела доктора, получившего возможность наблюдать за ней в своё удовольствие.

«Любопытно, — размышлял он, — о чём думает столь юная девица, солгавшая полиции и внезапно вызванная на набережную Орфевр...»

Отнюдь не радужная картинка! В отличие от своей довольной игривой коллеги Габи, Аликс была скорее меланхоличной, из девушек не хуже прочих, даже хорошеньких при внимательном рассмотрении, но слишком серьёзно относящихся к жизни, и потому склонных к занудству.

Тем утром глаза у неё были красными. С подобным характером она наверняка проплакала всю ночь. Пудра была наложена в беспорядке, а волосы плохо расчёсаны.

Она жила в маленьком домике на улице Ламарк. Потрудились ли она заглянуть в бар, дабы выпить чашечку кофе с круассаном?

— Я не поддамся эмоциям, — буркнул Маленький доктор, выходя из метро на Понт-Нёф.

Погода стояла прекрасная. Хотелось бы, чтобы утро длилось вечно, с солнцем, сверкающим, подобно шампанскому, и редким туманом, поднимающимся от Сены. Аликс шла быстро, не оборачиваясь. Перед мрачным воротами Уголовной полиции она в нерешительности остановилась, подошла к дежурному и в конце концов поднялась по пыльным ступенькам.

Доллан снова увидел её наверху, в застеклённой приёмной, и вошёл к ожидавшему его Лукасу.

— Итак, комиссар, вы вчера сказали, что попробуете на неё поднажать. Не будьте слишком грубы с ней, ладно? Она выглядит такой подавленной.

— Впустите ожидающую! — громко выкрикнул Лукас.

В то утро у него было хорошее настроение. Вся весна мира вливалась в широко распахнутые окна, и, что было редкостью, он надел модный галстук, синий в мелкий белый горошек. Хотя он и вёл себя грубовато, но с искоркой веселья в глазах.

— Присаживайтесь, мадемуазель Аликс. Не стану скрывать, что дело серьёзное, весьма серьёзное, и ваш поступок может дорого вам обойтись.

Её глаза увлажнились. Девушка промокнула веки свёрнутым в комочек носовым платком.

— Вчера, когда вас допрашивали, вы рассказали полиции не всё. По сути, вы дали ложные показания, что подпадает под действие статьи... статьи... ну, в общем, статьи Уголовного кодекса.

— Я... я подумала...

— И о чём же?

— Что вы никогда не узнаете о наших... наших отношениях. Я была так потрясена случившимся.

— Как давно вы были знакомы с Жюстеном Гальме?

— С тех пор... ну... примерно три недели.

— И уже стали его любовницей?

— О! Нет, господин комиссар... Клянусь своими братишками.

— Кем?

— Моими младшими братьями. Я сирота с двумя младшими братьями. Они оба ещё учатся. Самый маленький — в детском саду.

— Не вижу связи между вашими младшими братьями и Жюстеном Гальме.

— Понимаете... Если бы речь шла только обо мне, я бы, конечно, не стала его и слушать. Он старше меня и совсем не в моём вкусе.

— Прошу прощения! Давайте начнём с самого начала. Вы познакомились с Гальме в своём отделе?

— Да, в отделе. Он приходил ко мне каждый день и покупал карабин для часовой цепочки. Он был очень вежлив. Иначе я бы вообще его не слушала. Сейчас уж и не знаю, но я была уверена, что он человек серьёзный.

На третий или четвёртый день он спросил меня спросил так, почти застенчиво: «Мадемуазель, вы свободны?». Я и ответила, что у меня есть два моих младших брата, и что из-за них я, без сомнения, никогда не смогу выйти замуж.

Маленький доктор посмотрел на комиссара, пытавшегося выглядеть добродушным, с трудом подавляя свой громкий голос.

— Короче говоря, на третий или четвёртый день этот человек, не известный вам ни от Евы, ни от Адама, сделал вам предложение?

— Это трудно объяснить Он не был не похож на других. Он был очень милым. Признался мне, что он одинок в жизни, что всегда был одинок.

— Выбирая карабины?

— О, нет! Он пригласил меня пообедать с ним в маленьком ресторанчике на Шоссе-д'Антен. Он признался мне, что скоро его жизнь изменится, что он получит наследство...

Комиссар и Жан Доллан взглянули друг на друга. Определённо, Жюстен Гальме был одержим наследством! Разве не получением наследства он объяснил уход из Уголовного розыска?

— Он хотел поселиться в сельской местности, желательно на берегу Луары... Спросил меня, соглашусь ли я выйти за него замуж, если дом мне понравится... И тут же добавил, что мои младшие братья будут жить с нами, что он будет рад одним махом обзавестись семьёй и позаботится, чтобы они получили хорошее образование...

Она плакала, уже не понятно от чего: от страха, от горя, или от нежности.

— Вот какой это был человек! Я взяла отгул, чтобы поехать с ним посмотреть дом в Клери... В дороге он был очень вежлив. «Через несколько дней, — объявил он мне, — меня в Париже уже ничего не удержит. Мы немедленно объявим о помолвке».

— Итак, мадемуазель Аликс, вам не показалось странным, что внезапно ваш ухажёр, точнее, ваш жених, покинул ваш отдел и отправился в отдел тапочек к вашей подруге Габи?

— В первый день, да, потому что он меня не предупредил.

— А дальше?

— Он поклялся, что Габи его не интересует, что он ничего не может мне сказать, но я должна просто довериться. Кроме того, со своего места я могла видеть их обоих.

— Выходит, вам показалось нормальным...

— Он никогда не рассказывал, кем работает, но, по правде говоря, я решила, что он...

— Что он... что?

— Что он работает в полиции. Они часто появляются в универмаги из-за краж. Когда я узнала, что он мёртв, я... я первым делом подумала о своих младших братьях. Ведь я уже сказала им, что мы уедем в деревню...

Неужели Лукасу действительно нужно было прочистить нос? Как бы то ни было, он сделал это.

— Вы уверены, что на этот раз рассказали нам всё?

— Думаю, да... Я больше ничего не помню.

— Ваш жених никогда не говорил что-нибудь, что могло бы пролить свет на его личность?

— Он был очень вежлив, очень нежен...

Она почти заиклилась на этих словах.

— Несмотря на разницу в возрасте, я чувствовала, что не буду с ним несчастна...

А Маленький доктор подумал: «Сейчас она опять вспомнит о своих младших братьях...».

Но Лукас успел раньше.

— Вы можете идти, мадемуазель. Если у меня возникнут ещё вопросы, я вас вызову.

— У меня не будет неприятностей?

Она не могла поверить, что всё уже закончилось, что она свободна, что она сейчас покинет сей внушительный дом, куда она вошла с таким трепетом!

— Благодарю вас, господин комиссар. Я вам очень признательна. Если бы вы знали, как... как...

— На этом всё! Будьте здоровы.

Он практически вытолкнул её из кабинета, и когда он повернулся, закрыв дверь, на его лице было чуть больше эмоций, чем ему хотелось.

— Я не был слишком груб? — усмехнулся комиссар Маленькому доктору.

— Я задумался, насколько одни и те же факты, одни и те же события могут выглядеть по-разному, в зависимости от того, с какой стороны мы на них смотрим. Как в театре. С одной стороны — зритель, верящий в действие, разворачивающееся на его глазах... С другой стороны — гримёры, осветители, актёры, поправляющие парики. Как много смерть Жюстена Гальме значит для этой девушки! А для вас, для меня, это всего лишь захватывающая, но небольшая загадка, проблема, требующая решения. Что теперь вы думаете об убитом?

Лукас смог только пожать плечами. Слишком всё так неожиданно!

Ещё вчера Жюстен Гальме был всего одним из тех загадочных персонажей, часто встречающихся в больших городах. И вот он стал почти трогательным, или, по крайней мере, симпатичным. Неужели он действительно намеревался жениться на честной мадемуазель Аликс и увезти её в деревню вместе с братьями?

Если да, то почему пуля разрушила эти планы как раз в тот момент, когда они должны были осуществиться? Не зря же он сказал: «Через несколько дней, — объявил он мне, — меня в Париже уже ничего не удержит». Несколько дней... Не несколько недель, а несколько дней, после стольких лет...

— ...удержит в Париже, — пробормотал Маленький доктор, словно желая постичь сакральный смысл этих простых слов.

Всего лишь! Совсем просто! Не десять вопросов, не три, не два, всего один, простой до банальности: что могло удерживать Жюстена Гальме в Париже ещё несколько дней?

Найти ответ, и всё остальное решится само собой!

— Куда вы направляетесь? — поинтересовался комиссар Лукас, закуривая трубку и усаживаясь за свой стол.

— Выпить... знаете ли вы, комиссар, почему существуют пьяницы?

— Э-э... нет... Полагаю, что...

— Вы наверняка ошибаетесь... Пьяницы существуют только потому, что единственное лекарство от похмелья — это снова выпить... Понимаете, всё устроено именно так!

Нельзя было понять, говорит ли он серьёзно или шутит. Доктор вышел на улицу. Он насвистывал. На парижских улицах он выглядел как человек, решивший наслаждаться жизнью на всю катушку, и никто бы не догадался, что его преследует вопрос, навязчивый, как большая муха в грозовой день: «Что могло задержать его в Париже ещё на несколько дней?».

И тут он устремился к универмагу, где за прилавками стояли Габи и Аликс, одна — с тапочками, другая — с украшениями.

— Прошу прощения, что снова побеспокоил вас, мадемуазель Аликс... Я тоже очень вежливый и очень приличный человек... Вот почему я позволю себе пригласить вас на обед в небольшой ресторанчик на Шоссе-д'Антен. Во сколько у вас перерыв?

— В половине двенадцатого...

— Ну что ж! Я буду ждать вас у входа в метро.

**ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,
В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР,
ХОРОШО ПООБЕДАВ, ВДРУГ УЗНАЕТ,
КАКОЙ СЕГОДНЯ ДЕНЬ НЕДЕЛИ
И СПЕШИТ К КОМИССАРУ**

— Мадемуазель, не бойтесь брать блюда с «доплатой»... Могу заверить, что ваш директор всё оплатит.

Он выбрал небольшой ресторан с фиксированными ценами, где в основном обедали служащие и продавщицы из универмагов по соседству.

Аликс ещё не совсем успокоилась, но жизнерадостность спутника, пребывавшего в весёлом настроении, ибо доктор выпил три аперитива в ожидании её прихода, иногда заставляла улыбнуться.

— Ешьте на здоровье... Как насчёт омаров?.. Вам не нравятся?

— У меня от них крапивница, — наивно призналась она.

Тем не менее, она долго не решалась заказать потроха по-каннски — их ели за соседним столиком и аромат был прекрасен.

— Вам нравятся потроха? Это превосходно! Я тоже! Гарсон! Две порции!

Бывают такие дни, когда кажется, что небо чисто вымыто, и в эти дни воздух лёгок, Париж улыбается, как юная девушка, краски сияют, всё прекрасно, всё хорошо.

Можно ли поверить, сидючи в шикарном ресторане, что кто-то подошёл к полке с игрушками, достал, увы, не детский пистолет, прицелился, нажал на спусковой крючок...

— Послушайте, мадемуазель Аликс! Не стоит расстраиваться, просто спокойно всё обдумайте, вспомните какие-то детали, возможно, как вам кажется, не имеющие значения... Например, когда Жюстен Гальме в последний раз зашёл в ваш отдел...

При упоминании Гальме она расстроилась, и доктор разозлился на себя, что испортил ей удовольствие от потрохов по-каннски.

— Это была суббота... — пробормотала она задумчиво.

— Я помню это, потому что суббота — день тяжёлый.

— По субботам клиентов больше, чем обычно?

— Раза в два... К вечеру мы уже не чувствуем ни ног, ни рук.

— Итак, вы уверены, что это была суббота... Жюстен Гальме сидел?

— В нашем отделе редко кто сидит. Разве что клиенту показывают много товаров. Он никогда не сидел.

— Тогда он мог видеть внизу...

— Отдел тапочек, распродажные стойки, кассу «89» и выход. Вижу, как сейчас...

— Не торопитесь с ответом. Не удивился ли он в ту субботу, будто разглядев кого-то знакомого в толпе?

Она сидела неподвижно, широко открыв глаза.

— Я не знаю... — прошептала она наконец. — Но есть одна странность... Он не купил в тот раз карабин.

— Он не купил карабин! И вы молчали! Выходит, он вас покинул довольно поспешно?

— Да, он спустился вниз.

— Что-нибудь ещё удивило вас в тот день?

Казалось, что Маленький доктор хочет её загипнотизировать, заставить вспомнить, и ему это удалось.

— У меня было много клиентов... По крайней мере, минут пятнадцать я о нём не думала. Затем, ведя клиентку в кассу, я взглянула вниз... И с удивлением обнаружила, что он всё ещё в магазине

— И где он был?

— Стоял недалеко от Габи.

— Что-нибудь ещё?

— Повторю, что была очень взволнована. Кроме того, из-за всех этих краж я внимательно следил за клиентами в отделе. Но я почти уверена, что увидела его ещё раз, спустя изрядно времени. Не слишком полагайтесь, однако, на мои слова. Кроме того, когда мы видим людей сверху, тесно прижатых друг к другу, а кое-кто и локтями работает, трудно быть уверенной. Однако мне кажется, что он разговаривал с каким-то мужчиной.

— Вы не могли бы его описать?

— Вряд ли. Разве что шляпа у него была серая шляпа. После этого я видела его только в отделе Габи. На следующий день в полдень он поджидал меня у выхода. Я больше не хотела с ним разговаривать. Именно тогда он попросил меня не волноваться о его поступках. И пообещал всё когда-нибудь объяснить. В конце концов я позволила себя убедить, и мы пришли сюда поесть. Сидели вон там, слева от двери. Два дня спустя он отвёз меня посмотреть дом в Клери. Он был очень счастлив. Ему не терпелось переехать туда... Что-то случилось?

Маленький доктор стал ужасно серьёзным, брови нахмурились, взгляд застыл, и ей стало интересно, что он обнаружил в её словах. И тут он вдруг спросил:

— Какой сегодня у нас день?

— Суббота...

Он вздрогнул и уставился на тарелки, будто ему не терпелось закончить трапезу.

— Вы будете десерт? — быстро спросил он.

Она не осмелилась ответить «да». Он кивнул гарсону.

— Счёт! Быстро!

Он не потрудился проводить свою гостью до входа в универмаг. Он запрыгнул в такси.

— Набережная Орфевр. Да, Уголовный розыск! И нечего на меня так смотреть!

**ГЛАВА ПЯТАЯ,
В КОТОРОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОКТОР
ВСЕРЬЁЗ ЗАНИМАЕТСЯ
СТРАТЕГИЧЕСКИМ ПЛАНИРОВАНИЕМ,
В ТО ВРЕМЯ КАК ЛУКАС
НИКАК НЕ МОЖЕТ УВЕРОВАТЬ**

— Снова вы? — удивился комиссар Лукас. Рядом с подпрыгивающим Маленьким доктором он казался истинным воплощением невозмутимости.

— Да, снова я. Сначала немного информации. Не могли бы вы сказать мне, каков порядок краж в универмагах?

— Это просто, в магазинах ведётся точная статистика. Точная и пугающая. Держитесь за шляпу! Только один из универмагов, расположенный в Рив-Гош, подсчитал, что в среднем сумма краж, совершаемых там, составляет около миллиона в год. У остальных ситуация примерно та же, что объясняет, зачем в универмагах настоящая армия охранников.

— Кто крадёт? Профессионалы?

— И да, и нет. Есть мелкая шпана. Женщины или молодые девушки, кто не может позволить себе желаемое, и воруют всякую мелочь, особенно отрезки ткани. Затем тяжёлая пехота, если я могу так выразиться. Опять же женщины, ибо им легче спрятать добычу. У них обычно есть большая сумка или специальная одежда. Мы арестовали одну — притворялась беременной — нашла под пальто карман, как у кенгуру, и не забывала его наполнять.

Эти женщины чаще всего работают парами, потому что одна из них отвлекает продавщицу, пока другая работает. Мы знаем их почти всех. Но они настолько искусны, что очень трудно поймать «на горячем». Они знают наших инспекторов. Они знают частных детективов в магазинах. Как только они их замечают, то ускользают сквозь толпу, как угри, и их не поймать без скандала. А это первое правило — избегать скандала любой ценой.

— А есть дичь покрупнее?

Лукас с раздражением кивнул:

— Есть, точно. Некоторые кражи слишком дерзки и слишком хитро организованы для обычных воровок. Увы! Этим птиц мы ещё не поймали.

— Организованные шайки?

— Не знаю. Хотел бы сказать «да», но доказательств нет.

— За последние несколько месяцев таких краж было много?

— Полагаю, как обычно. По крайней мере, если верить отчётам универмагов.

Мечтательный играясь ножом для бумаги, Маленький доктор спокойно ждал. И не зря, ибо Лукас вскоре вздохнул:

— Участились другие кражи. В разных отделах, но больше в дорогих, особенно в ювелирных. Клиент, набравший целую кучу драгоценностей, внезапно выбегает на улицу, где его ждёт машина, сразу же срывающаяся с места. Наверняка читали в газетах. Всегда кажется совершенно невозможным, но всегда удаётся.

Игра на психологии. Грабители рассчитывают на эффект неожиданности. Продавец, занятый другими клиентами — а может среди них сообщники? — тратит несколько секунд, чтобы прийти в себя и поднять тревогу. На улице тоже самое. Места оживлённые. Машина ждёт с работающим мотором. Проходят секунды, прежде чем раздаются крики о помощи, а машина уже далеко, люди толкаются и мешают друг другу, воры в безопасности... Чему вы улыбаетесь?

— Я? — удивился Маленький доктор. — Я улыбаюсь?

— Похоже, это вас забавляет.

— Почему бы и нет? Кстати, сколько человек вы могли бы одолжить мне сегодня вечером? Минутку! Мне не нужны слишком известные агенты. Понимаете? Люди, способные остаться незамеченными в толпе.

— Это зависит от того, что вы хотите сделать.

— Может быть, ничего. Может быть много. Всё зависит только от одного: насколько верны мои рассуждения? Если да, то всё пройдёт без сучка, без задоринки.

— А точнее?

— Нет-нет! Я расскажу всё после. Не хочу быть смешным, если не выйдет. Итак? Сколько человек?

— Шестерых хватит?

— Это слишком мало.

— Да неужто?

— Мне нужна хотя бы дюжина. И быстрый автомобиль без опознавательных знаков.

— Вы знаете, что при операции такого масштаба я обязан известить руководство?

И Жан Доллан, не сдержавшись, пробормотал:

— Извещайте, да!

— Сейчас только шесть часов, комиссар. Время пока есть.

— Если что-то произойдёт, откуда вы знаете, когда?

— Если что-нибудь случится, это будет ровно в шесть тридцать. Полчаса нам хватит.

Он пил пиво. Они вдвоём сидели на террасе, прямо напротив универмага. Несмотря на правила, одна из лучших полицейских машин припарковалась у входа, недалеко от метро.

Инструкции участникам Маленький доктор давал не на месте, где он мог быть замечен нежелательными лицами, а в кабинете Лукаса, с листом бумаги, ставшим похожим на штабную карту.

Каждому инспектору отводилась определённая роль.

— Ты, рыжий, ровно в шесть с четвертью сядешь у прилавка с тапочками и примеришь столько пар, сколько потребуется, чтобы досидеть до половины. В шесть тридцать возьмёшь под наблюдение кассу «89».

Теперь вы. Да-да, именно вы! Вы не спеша приобретёте себе бумажник. Не волнуйтесь, Лукас, за всё платит руководство универмага. Вы должны всё ещё находиться у прилавка в тот момент, когда раздастся звонок. В этот момент вы зафиксируете...

Очередной крестик появился на плане универмага.

— Трое у выхода. Но не подходите раньше шести с половиной часов. Не нужно заранее изображать мышеловку. Ещё трое возле метро.

Хотя он уже провёл немало расследований, но Маленький доктор впервые руководил полицейской операцией, и Лукас смотрел на него то с иронией, то всерьёз.

— На этом всё? — усмехнулся он.

— О, нет! Я бы хотел, чтобы в отделе игрушек тоже был человек, на всякий случай. Мне не хотелось бы повторить судьбу Жюстена Гальме.

И вот теперь, на террасе, с часами в руке, Маленький доктор ждал, интригуя комиссара загадочными фразами.

— Вы полагаете, что, если бы Гальме был грабителем универмага, его могли убить его сообщники или соперники? Не спешите отвечать. Предположим, Гальме грабит универмаги. Мы вынуждены констатировать, что он не является частью шайки, ибо проверили его банковский счёт.

Полагаю, что мелкая сошка с доходом пятьсот франков в неделю вряд ли пойдёт на такой риск. Вы скажете, что вот в последние месяцы... Нет уж, комиссар!

— Но я ничего не говорил!

— Я знаю, о чём вы думаете... триста тысяч франков сбережений после двадцати лет постоянных краж — весьма немного, и такой скромный персонаж кажется мне незаслуживающего столь хитрого убийства.

Это важно! Вот основная идея, что я всегда ищу в начале. Я ошибся, начав с Гальме. А надо было начать с убийцы! Так вот, человек, способный придумать и осуществить убийство из магазина игрушек, — это кто-то весьма умный, признайтесь!

Готов поклясться, что именно его Жюстен Гальме внезапно заметил из ювелирного магазина. Он поспешил вниз. Алиса не уверена, что они разговаривали друг с другом. Если и говорили, я уверен, что лишь обменялись несколькими словами.

Но с этого дня мы будем находить Жюстена Гальме каждый вечер сидящим в шесть с четвертью в магазине тапочек... — вам это ни о чём не говорит?

Лукас лишь хмыкнул:

— Позволю вам напомнить, что сейчас шесть с четвертью.

— Ещё глоток, и мы идём.

Он опустошил кружку, решительно вошёл в универмаг через другую вход, поднялся на второй этаж и через несколько мгновений вместе с Лукасом добрался до ювелирного отдела. Аликс, обслуживая клиентов, с беспокойством посмотрела на них обоих, но Доллан жестом успокоил её.

— Вот уж на кого не следует полагаться при погоне, — заметил Маленький доктор, глядя вниз, — так это на вашего рыжего, потому что одна нога у него босая. Точь-в-точь, как у Жюстена Гальме. Скажите мне, комиссар. Если бы вы решили ограбить банковского или конторского служащего, то в какой день вы бы это сделали?

Он был жутко невыносимым, но, возможно, так он справлялся с нетерпением.

— В какой день? О чём это вы?

— Именно об этом! Какой день вы бы выбрали для грабежа банковского служащего? Например, вы бы сделали это 16 января?

— Не понимаю, при чём тут...

— Ну и дела, чёрт возьми! 16 января, комиссар, вы бы ничего не нашли в его доме. Это второй рабочий день. А до того — новогодние каникулы и подарки. Служащего нужно грабить первого числа любого месяца, когда он только что получил своё жалованье. Неужели вы ничего не замечаете вокруг?

Но разъярённый Лукас больше не отвечал. Маленький доктор, тем не менее, продолжил:

— Здесь в два раза больше людей, чем вчера. И все покупают! И деньги копят в кассах!

Вот тут комиссар прислушался.

— Случайно...

Он не закончил. Раздался звонок, наполнив универмаг гулом, и тотчас заиграл военный марш, подгоняя посетителей.

— Вот увидите. Если что-то случится, всё будет сделано быстро. Не наклоняйтесь слишком сильно. Вас заметят.

Сам он знал, на что смотреть. Кассирша-«89» закрыла большой жёлтый конверт и вышла из кассы. Толпа хлынула, словно лавовый поток, между прилавками. Кассирше пришлось плыть против течения, чтобы добраться до лифта, и вдруг она вскрикнула как раз в тот момент, когда Маленький доктор заметил совсем рядом с ней жемчужно-серую шляпу.

Что произошло потом... Как умудриться описать сие? Движения толпы хаотичны. Никто не знал, что происходит. Кричала женщина. Одного ребёнка сбили с ног, и его мать закричала ещё громче. Люди, возможно помня о смерти Жюльена Гальме, без колебаний бросились бежать, в то время как рыжий инспектор без левого ботинка рванулся вперёд.

— Нет смысла спускаться, — произнёс Маленький доктор, с трудом сдерживая волнение. — Мы всё равно явимся слишком поздно. Если ваши люди всё сделают как надо.

Серой шляпы больше не было видно. Люди сгрудились у выхода и столкнулись с толпой на тротуаре.

Человек в серой шляпе сидел в кабинете Лукаса, немного помятый, с оторванным воротником и царапинами на лице. Его с трудом задержали, когда он запрыгнул в машину, припаркованную прямо перед полицейским автомобилем. Но конверта у него уже не было. И он не просто сбросил его. Через сколько рук прошёл конверт, прежде чем исчезнуть? Сколько сообщников сменяли друг другу на пути от кассы до машины?

Прекрасная работа, выполненная рукой мастера. Тем более, что задержанный не волновался. С некоторым удивлением он смотрел на Маленького доктора, в свою очередь, с интересом осматривавшего его.

— Или я сильно ошибаюсь, комиссар, или это главарь тех дерзких воришек, что вы поминали.

— Интересно, какие ваши доказательства? — усмехнулся задержанный. — Мои слова против слов кассирши, что это я вырвал у неё конверт. В такой толпе любой мог подсуеститься.

Это было правдой. Трюк был проделан с непревзойдённым мастерством.

— Знаете, что меня поразило, комиссар? — продолжал Маленький доктор, по-прежнему рассматривая мужчину как редкостную диковину. — Дело в том, что место, где сидел Жюстен Гальме, когда его убили, было своего рода стратегическим наблюдательным пунктом. И вообще то местечко в универмаге уникальное.

Во-первых, касса «89» единственная, расположенная рядом с выходом.

Во-вторых, это самый загруженный выход ввиду близости метро.

Так вот, как-то в субботу наш бедный Гальме внезапно покинул ювелирный отдел.

Что он увидел? Я скажу вам. Он увидел присутствующего здесь господина. И он знал, что его присутствие знаменует хорошую кражу.

Маленький доктор хотел пить, но пить было нечего. Он нервно закурил сигарету. Его лихорадило. Напряжение было слишком долгим.

— Держу пари, что, за время службы в полиции, Гальме приходилось иметь дело с универмагами. Собственно, полагаю, именно потому он и подал в отставку. Он просто прикинул — если каждый вор уплатит ему налог в размере десяти или двадцати процентов...

Понимаете? Ему было достаточно вычислить воров, не задерживая, но облагая их данью. Не слишком чисто плотно, признаю. Но отмечу, что задумка неплохая.

Скромная жизнь, без риска, без напряжения. Он следил за своим мирком. Делал небольшие покупки. Быстро вычислял вора или воровку и знал, как потом потребовать причитающееся. Отсюда и это существование мелкого буржуа. Эти пятьсот франков, еженедельно вносимые на депозит. Эти сбережения среднего француза. Пока однажды он не наткнулся на более крупную дичь.

Человек в серой шляпе теперь смотрел на Маленького доктора с таким восхищением, что Лукасу стало немного завидно.

Впечатлённый задержанный развязно бросил:

— Ну только подумайте! Только не говорите мне, что вы работаете в Уголовке, не поверю!

И Доллан был очень вежлив:

— Доктор Жан Доллан, врач из Марсийи, Ла-Рошель, Приморская Шаранта. Я продолжу. Итак! Шныряя то тут, то там, наш Жюстен Гальме несколько месяцев назад наткнулся на банду, не работающую по мелочам. Он требует свою десятину, и получает её. Вклад в банке растёт, и он подумывает перебраться в деревню.

И тут случается чудо. Наш холостяк, ухаживавший за продавщицами, ввиду почти профессиональной необходимости, очарован суровой и смиренной грацией Аликс. Он решает жениться на ней. Он выслеживал похитителя драгоценностей, а нашёл невесту.

А ещё он заметил внизу хорошо известную ему персону. И сразу сообразил, что это парень тут не просто так. Спустился. Задумался. В течение нескольких дней он приходил на одно и то же место, чтобы вычислить, план ограбления и потребовать свою долю.

Он просчитал динамику кассира. Сколько денег набегает в субботу вечером? Я уточнил. От трёх до четырёх сотен тысяч франков крупными купюрах. Его доля с господ воров окупит значительную часть дома и избавит от чрезмерной растраты личного капитала.

Вот почему он остался в Париже ещё на несколько дней. Пока присутствующий здесь господин не сделает свой ход. А потом — свадьба, младшие братья и всё такое прочее. Огород и цветы. Хорошая спокойная жизнь.

Но не учёл только одно: что наш приятель не захочет платить. И решит избавиться от Жюстена Гальме, ибо тот слишком много знает и слишком много стоит. Местоположение на руку грабителю: один пистолетный выстрел и...

Человек в серой шляпе заёрзал, но в тот же миг, по знаку Лукаса, дверь открылась и вошёл мужчина. Никто иной, как продавец из отдела игрушек.

— Это точно он... — тут же сказал продавец. — Я не видел, как он стрелял, но в тот день он постоянно крутил в руках пистолеты, и я уверен, что...

— Бедняга! — вздохнул Маленький доктор, опрокинув уже четвёртую, или даже пятую рюмку.

Они с Лукасом сидели в вокзальном буфете. Доллан возвращался в Марсией той же ночью.

— Это было чертовски изобретательно. Стань вором среди воров! Вор-буржуа, аккуратный, ведущий хозяйство... Знаете, Лукас, что меня больше всего волнует и вызывает желание возложить венок на его могилу? Это Аликс и её младшие братья. Я убеждён, что он женился бы на ней, вырастил бы детей, и они были бы счастливы, как устрицы в своём маленьком домике на берегу Луары. Ужасное несчастье для Аликс.

— Это почему?

— Потому что у неё есть все шансы остаться старой де-вой, разумеется!

И повернулся к гарсону:

— Сколько с меня?

L'Amoureux aux Pantoufles, 1938

Перевод: А. Ланудев

Содержание

Привидение на вилле мосье Марба.....	3
Пассажир и его негр.....	35
Любитель тапочек.....	66